

Лев Николаевич

Толстой

О значении русской революции

(1906 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – Ленинград

1936

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей–усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 36–го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 36-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

—

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

1905 Г.

О ЗНАЧЕНИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

«Мы живем в важное время. Никогда людям не предстояло столько дела. Наш век есть век революции в лучшем смысле этого слова, — не материальной, но нравственной революции. Вырабатывается высшая идея общественного устройства и человеческого совершенства. Мы не доживем до жатвы, но сеять с верой есть великое счастье».

Чаннинг

«Поклонники пользы не имеют иной нравственности, кроме нравственности выгоды, и иной религии, кроме религии материального блага. Они нашли тело человека изуродованным и истощенным нищетой и в своем необдуманном рвении сказали себе: «давайте, излечим это тело; когда оно будет сильно, жирно, хорошо упитано, то душа вернется в него». А я говорю, что излечить это тело можно только излечив душу. В ней корень болезни, и телесные недуги являются лишь внешними проявлениями этой болезни. Современное человечество умирает от отсутствия общей веры, общей идеи, связующей землю с небом,

вселенную с Богом. От отсутствия этой религии духа, от которой остались лишь пустые формы и безжизненные формулы, от полного отсутствия чувства долга, способности жертвовать собою, человек, подобно дикарю, пал, распростертый во прах, и воздвиг на пустом алтаре идол «выгоде». Деспоты и князья мира сего стали его первосвященниками. От них-то и возникла отвратительная формула морали выгоды, гласящая: «каждый только для своих, каждый только для себя».

Иосиф Мадзини.

«Видя толпы народа, он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря».

Мф. IX, 36.

В России совершается революция, и весь мир с напряженным вниманием следит за ней, угадывая и стараясь предвидеть, к чему ведет и приведет русских людей эта революция.

Предугадать и предвидеть это для посторонних зрителей, наблюдающих русскую революцию извне, может быть, и интересно и важно, — для нас же, русских людей, переживающих эту революцию, совершающих ее, главный интерес не в предугадывании того, что будет, а в наиболее ясном и твердом определении того, что нам, русским, надо делать в то огромной важности для нас, грозное и опасное время, которое мы переживаем.

Всякая революция есть всегда изменение отношения народа к власти.

Такое изменение происходит теперь в России, и изменение это совершаем мы, все русские люди.

И потому, для того чтобы нам знать, как именно мы можем и должны изменить свое отношение к власти, необходимо понять сущность власти, в чем она состоит, как она возникла и какое наилучшее отношение к ней.

I.

Всегда, во всех народах, происходило одно и то же. Среди людей, занятых необходимым, свойственным всем людям делом кормления себя и своих семей либо охотой (звероловы), либо прирученными животными (кочевники), либо земледелием, всегда появлялись люди — иногда своего народа, иногда чужого, которые силою отнимали у трудящихся

плоды их трудов: сначала грабили, потом порабощали их и требовали с них или работу на себя или дани. Так это происходило в древности, происходит и теперь в Африке и Азии. И всегда и везде трудящиеся, занятые своим привычным, неизбежно необходимым и неотрывным делом борьбы с природой для пропитания себя и взращения своих детей, хотя несравненно более многочисленные и всегда более нравственные, чем завоеватели, покорялись завоевателям и исполняли их требования.

Покорялись они потому, что при свойственном всем людям вообще отвращении от борьбы с людьми, в особенности же людям, занятым серьезным трудом с природой для поддержания существования себя и семьи, люди эти предпочитали нести последствия совершаемых над ними насилий отрыванию себя от необходимого привычного и любимого ими дела.

Тут, конечно, не было никаких договоров Гуго Гроция или Руссо, которыми объяснялись отношения подвластных к властвующим. Точно так же не было и не могло быть соглашения людей, как это представляет себе Спенсер в его «Principles of Sociology» о том, как наилучшим способом устроиться в общественной жизни, но всегда выходило самым естественным образом то, что когда одни люди насильствовали других, то насилуемые предпочитали не только перенесение многих тяжестей, но часто великих бедствий, заботам и усилиям, нужным для противодействия насильникам, тем более что завоеватели брали на себя обязанность защищать покоренный народ от внутренних и внешних нарушителей спокойствия. И потому всегда было то, что большинство людей, занятых необходимым для них, как и для всех животных, трудом прокармливания себя и своих семей, не только без борьбы переносило все неизбежные неудобства, тягости и даже жестокости властителей, но и подчинялось им, признавая своей обязанностью исполнение всех их требований.

Говоря об образовании первоначальных обществ, всегда забывают то, что не только самые многочисленные и самые необходимые, но и самые нравственные члены общества – это всегда те, которые своим трудом поддерживают жизнь всех остальных и что таким людям всегда естественнее, вместо того чтобы отрываться от необходимого дела – поддержания жизни себя и своих семей – для борьбы с насилием, подчиняться насилию и нести все сопряженные с ним тяжести. Так это и теперь, когда мы видим бирманцев, египетских феллахов и буров, подчиняющихся англичанам, бедуинов – французам; так это тем более было в старинные времена.

В последнее время в том весьма распространенном теперь странном учении, которое называется наукой социологии, утверждается, что отношения людей в обществе сложились и складываются на основании экономических условий. Но такое утверждение есть только установка, вместо очевидной и ясной причины явления, одного из его последствий. Причина тех или иных экономических условий всегда была и не может быть ни в чем ином, как только в насилии одних людей над другими; экономические же условия суть последствия насилия и потому никак не могут быть причиной отношений между людьми.

Всегда было то, что люди недобрые, любящие праздность и завистливые

– Каины нападали на земледельцев – Авелей – и, угрожая убийством и убивая, пользовались трудами работающих людей. Люди же добрые, смиренные и трудолюбивые, вместо того чтобы бороться с насильниками (чего они отчасти не хотели, отчасти не могли сделать, не прекращая труда кормления себя и своих ближних), считали для себя наилучшим повиноваться им. На этих-то насилиях злых над добрыми, а никак не на экономических условиях, и основались, и основываются, и держатся до сих пор все существующие человеческие общества.

II.

С самых древних времен и у всех народов мира отношение людей властвующих и подвластных основывалось на насилии. Но отношение это как и всё в мире, постоянно изменялось и изменяется. Изменяется оно по двум причинам: во-первых, потому, что власть, то есть люди праздные, пользующиеся властью, по мере упрочения и продолжения власти всё более и более развращаются, становятся неразумными и жестокими, и требования их становятся всё более и более вредными для подвластных, и, во-вторых, потому, что одновременно с развращением властителей всё более и более уясняется для подвластных безумие и вред их повиновения развратившейся власти.

Развращаются же властвующие люди всегда, во-первых, потому, что люди эти по самому характеру своему люди безнравственные, предпочитающие праздность и насилие труду, завладев властью и пользуясь ею для удовлетворения своих похотей и страстей, всё более и более отдаются своим страстям и порокам; во-вторых, потому, что похоти и страсти, встречая у обыкновенных людей препятствия для своего удовлетворения, у властвующих не только не встречают таких преград и не вызывают осуждения, а, наоборот, восхваляются всеми приближенными. Приближенным большею частью выгодно безумие их властителей, и, кроме того, им приятно думать, что те добродетели и мудрость, которым только и свойственно подчиняться разумным людям, находятся в тех людях, которым они подчиняются, и потому пороки властителей, восхваляемые как добродетели, разрастаются до ужаснейших размеров.

Вследствие этого и доходят коронованные и некоронованные властители народов до тех ужаснейших пределов безумия и порока, до которых доходили Нероны, Карлы, Генрихи, Людовики, Иоанны, Петры, Екатерины, Мараты.

Но не это одно. Если бы властители довольствовались одним личным развратом, пороками, они бы не были так вредны; но праздным, пресыщенным и развращенным людям, каковы бывали и бывают властители, надо жить чем-нибудь, иметь цели, достигать их. Иных же целей у этих людей не может быть, как только цели достижения всё большей и большей славы. Во всех других страстях предел пресыщения наступает очень скоро. Только страсть славолюбия не имеет пределов, и потому почти все властители всегда стремились и стремятся к славе и

преимущественно военной, как единственно доступной людям развращенным, не знающим настоящего труда и неспособным в нему. Для войн же, которые затевают властители, нужны деньги, войска и, главное, убийство людей. Вследствие же всего этого положение подвластных становится всё тяжелее и тяжелее.

И наконец тяжесть эта доходит до такой степени, при которой подвластные уже не могут попрежнему продолжать подчиняться власти и стараются изменить свое отношение к ней.

III.

Такова одна причина изменения отношения властителей и подвластных.

Другая, еще более сильная причина этого изменения в том, что подвластные, признавая над собой право власти и привыкнув подчиняться ей, с распространением просвещения и уяснения нравственного сознания начинают видеть и чувствовать не только всё большую и большую материальную злобредность власти, но и то, что подчинение власти становится безнравственным делом.

Возможно было народам за тысячу, пятьсот лет тому назад, повинуюсь своим властителям, избивать целые населения чужих народов ради завоевания или ради династических или фанатически-религиозных целей: рубить головы, пытать, четвертовать, запираить в клетки, истреблять или обращать в рабство целые населения. Но в XIX и XX веках подвластные люди, просвещенные христианством или выросшими из него гуманитарными учениями, уже не могут без укора совести повиноваться власти, требующей участия в убийстве людей, защищающих свою свободу, как китайская война, бурская, филиппинская; не могут уже, как прежде, с спокойной совестью чувствовать себя участниками тех насилий и казней, которые совершаются теперь всеми правительствами в своих государствах.

Так что насильническая власть, по мере своего продолжения, с двух концов уничтожает сама себя: уничтожает себя своей всё увеличивающейся развращенностью властителей и вытекающей из нее всё большей и большей тяжестью для подвластных, и своим всё большим и большим отступлением от всё развивающихся и разьясняющихся нравственных требований подвластных. И потому при существовании насильнической власти неизбежно должен наступить момент, когда отношение народа к власти должно измениться. Момент этот может наступить раньше или позже, смотря по степени и по быстроте развращения власти, по степени ее хитрости, по более или менее спокойному или беспокойному темпераменту народа и даже в зависимости от географического положения народа, содействующего или препятствующего общению людей между собою; но рано или поздно момент этот неизбежно наступает и должен наступить для всех народов. Для западных народов, возникших на развалинах Римской империи, момент

этот наступил давно. Борьба народа с властью началась еще в Риме, продолжалась и во всех наследовавших Риму государствах, продолжается и теперь. Для восточных народов: Турции, Персии, Индии, Китая момент этот не наступил еще. Для русского же народа он наступил именно теперь.

Русский народ стоит теперь перед страшным выбором: продолжать ли, несмотря на все претерпеваемые от него бедствия, повиноваться, по примеру восточных народов, своему неразумному и развращенному правительству или, как до сих пор поступали все западные народы, признавшие вред существующего правительства, свергнуть его силою и установить новое.

Такой выбор представляется самым естественным людям нерабочих классов русского народа, находящимся в общении с высшими достаточными классами западных народов и считающим благом то военное могущество и успех промышленности, торговли и технических усовершенствований и тот внешний блеск, до которого, при своих измененных управлениях дошли западные народы.

IV.

Большинство русских людей нерабочих классов вполне уверено, что русский народ в момент наступившего теперь для него кризиса не может ничего сделать лучшего, как идти по пути, по которому шли и идут западные народы, то есть бороться с властью, ограничивать ее и передавать ее всё более и более в руки всего народа.

Справедливо ли такое мнение и хороша ли такая деятельность?

Достигли ли западные народы, в продолжение сотен лет шедшие по этому пути, того, к чему они стремились? Избавились ли они на этом пути от тех бедствий, от которых они хотели избавиться?

Западные народы, как и все народы, начали с того, что покорились тем властителям, которые требовали от них подчинения, предпочитая подчинение борьбе с властью. Но власть эта, в лице Карлов Великих, Пярых, Филиппов, Людовиков Генрихов VIII, всё более и более развращаясь, дошла до такой степени, при которой западные народы не могли долее переносить ее. Западные народы возмущались в различное время против своих властителей и боролись с ними. Борьба эта проявлялась различно в различные времена и в различных местах, но выражалась она всегда одним и тем же: междоусобными войнами, грабежами, убийствами, казнями и кончалась тем, что свергалась прежняя власть и устанавливалась новая. Но когда и новая власть становилась так же тяжела для народа, как и сверженная, свергалась и эта и устанавливалась еще новая, которая, по тем же неизменным свойствам власти, становилась так же вредна, как и прежняя. Так, например, во Франции в продолжение семидесяти лет было одиннадцать

перемен власти: Бурбоны, Конвент, Директория, Бонапарт, Империя, опять Бурбоны, Республика, Людовик–Филипп, опять Республика, опять Бонапарт, опять Республика. Замена старых властей новыми совершалась и среди других народов, хотя и не с такой быстротой и резкостью, как во Франции. Замены эти большею частью не улучшали положения народов, и потому люди, совершавшие эти замены, не могли не прийти к мысли о том, что бедствия, испытываемые ими, происходят не столько от свойства лиц, пользующихся властью, сколько оттого, что существует власть немногих над многими. И потому люди старались обезвредить власть ограничением ее. И ограничение это в виде выборных сословных палат было введено в различных государствах.

Но люди, ограничивающие произвол власти и составляющие собрания, делаясь обладателями власти, естественно подпадали тому же свойственному власти развращающему влиянию, которому подпадали самодержавные властители. Люди эти, становясь участниками власти, хотя и не единолично, но совокупно или порознь, производили такое же зло и становились так же тяжелы для народа, как и самодержавные властители. Тогда, для того чтобы еще более ограничить произвол власти, среди некоторых народов была уничтожена совершенно монархическая власть и установлено правительство, составленное из людей, избранных от всего народа. Так учредились теперь республики: Франции, Америки, Швейцарии, введены референдум и инициатива, то есть возможность для каждого члена общества вмешиваться и участвовать в законодательстве.

Но все эти меры сделали только то, что граждане этих государств, всё более и более участвуя во власти и отвлекаясь от серьезных занятий, все более и более развращались. Бедствия же, от которых страдают народы, остались совершенно те же как при конституционных монархических, так и при республиканских правительствах, с референдумами и без них.

Оно и не могло быть иначе, так как мысль ограничить власть участием во власти всех людей, подлежащих власти, в самом корне своем ошибочна и представляет внутреннее противоречие.

Если один человек с помощью своих сотрудников управляет всеми, то это несправедливо, и все вероятнее за то, что управление этого одного будет вредно для народа. То же самое будет и при власти меньшинства над большинством.

Власть же большинства над меньшинством также не обеспечивает справедливого управления, так как нет никаких оснований полагать, что большинство людей, участвующих в управлении, разумнее того меньшинства, которое уклоняется от участия в управлении.

Распространение же участия в управлении на всех, как это может сделать еще более распространенное право референдума и инициативы, сделает только то, что все будут бороться со всеми.

Власть одного человека над другим, основанная на насилии, в источнике своем есть зло, и потому никакое устройство, удерживающее право насилия человека над человеком, не может сделать того, чтобы

зло перестало быть злом.

И потому во всех народах, как бы они ни управлялись, самыми деспотическими или самыми демократическими правительствами, одинаково остаются все главные и основные бедствия народов: те же всё возрастающие огромные бюджеты, те же враждебные отношения с соседями, требующие военных приготовлений и войск, те же подати, те же монополии правительственные и частные, и то же лишение народа права пользования землей, отданной в собственность частным землевладельцам; те же поработанные народности, та же постоянная угроза войн и те же войны, истребляющие жизни людей и подрывающие их нравственность.

V.

Правда, что представительственные правительства Западной Европы и Америки, как конституционно-монархические, так и республиканские, уничтожили некоторые внешние злоупотребления представителей власти, сделали невозможным, как это было при наследственном монархическом правлении, чтобы обладатели власти были такие изверги, каковы были разные Людовики, Карлы, Генрихи, Иоанны. (Хотя и при представительном правлении не только возможен захват власти людьми ничтожными, хитрыми, безнравственными и ловкими, каковы были первые министры и президенты, но устройство правительства таково, что достигнуть власти могут только такие люди.) Правда, представительство уничтожило такие злоупотребления, как *lettres de cachet*, [1] уничтожило стеснение печати, религиозные гонения и насилия, подвергло обсуждению представителей обложения народа податями, сделало гласными и подлежащими обсуждению действия правительства, сделало и то, что во всех этих государствах с особенной быстротой развились разные технические усовершенствования, дающие большие удобства жизни богатым гражданам и большую военную силу государствам. Так что народы с представительным правлением несомненно стали в промышленности, торговле и военном деле могущественнее народов, управляемых деспотической властью, и жизнь нерабочих классов этих народов стала несомненно обеспеченнее, удобнее, приятнее, красивее, чем была прежде. Но стала ли лучше жизнь большинства людей этих народов, обеспеченнее, свободнее и, главное, разумнее и нравственнее?

Я думаю, что нет.

При деспотической единоличной власти число людей, подвергающихся развращению власти и живущих чужими трудами, бывает ограничено и состоит из близких друзей и помощников, прислужников, льстецов, властителей и их помощников. Двор властителей составляет единственный фокус заражения развратной жизнью, от которого оно лучами распространяется во все стороны.

При ограничении же власти, то есть при участия многих во власти, число этих фокусов увеличивается, так как каждый участник власти имеет своих друзей, помощников, прислужников, льстецов и свое потомство.

При всеобщем же избирательном праве число этих центров заразы еще более распространяется. Каждый избиратель становится предметом лести и подкупа. Изменяется и самый характер власти: вместо власти, основанной на прямом насилии, является власть денежная, основанная на том же насилии, но не непосредственно, а через сложную передачу.

Так что при представительном правлении вместо одного или немногих центров разврата является большое количество таких центров, то есть появляется большое количество людей, праздно живущих трудами рабочего народа, появляется тот класс людей, который называется буржуазией, то есть людей, которые под покровительством насилия устраивают себе жизнь, свободную от тяжелого труда, легкую и приятную.

Но так как для устройства такой легкой и приятной жизни не для одного монарха с его двором, а для тысяч маленьких царьков, нужно много предметов, украшающих и веселящих праздную жизнь, то всегда с переходом власти из деспотического в представительное появляются изобретения, облегчающие доставление предметов удовольствия и ограждения жизни богатых классов.

Для производства же всех этих предметов всё более и более отрываются рабочие от земледелия, и силы их направляются па приготовление для богатых классов и отчасти для самих рабочих ничтожных приятностей. И является сословие городских рабочих, всегда по своему положению находящихся в полной зависимости от людей достаточных классов. Число этих людей по мере продолжения существования власти государств с представительным правлением всё увеличивается, и положение их всё ухудшается. В Соединенных Штатах на 70 миллионов жителей 10 миллионов пролетариев, то же по отношению пролетариев к достаточным классам в Англии, Бельгии, Франции. Так что количество людей, освобождающих себя от труда выработки предметов первых потребностей для труда приготовления предметов роскоши, в этих государствах всё увеличивается и увеличивается. И потому ясно, что последствием такого хода жизни должно быть всё большее и большее отягощение того уменьшающегося количества людей, которые должны поддерживать роскошь жизни всё увеличивающегося количества людей праздных и роскошествующих. Очевидно, такая жизнь народов не может продолжаться.

Совершается нечто подобное тому, что было бы с человеком, тяжесть туловища которого всё увеличивалась бы и увеличивалась, ноги же, поддерживающие туловище, становились бы всё тоньше и слабее. Туловище должно завалиться, когда нечему будет держать его.

VI.

Западные народы, как и все народы, подчинились власти завоевателей только для того, чтобы избавиться от тревог и греха борьбы. Когда же власть стала тяжела, они, не переставая подчиняться власти, признавая ее необходимость, стали бороться с нею. Сначала малая часть людей участвовала в борьбе; потом, когда борьба малой части оказалась неуспешной, всё большая и большая часть людей вступала в борьбу, и кончилось тем, что вместо освобождения себя от тревог и греха борьбы большая часть людей этих народов приняла участие во власти, в том самом, от чего люди хотели избавиться, допустив власть над собою. И последствием этого было, как и должно было быть, всё большее и большее развращение, свойственное власти, но уже не небольшого количества людей, как это было при единоличной власти, а всех членов общества. (Теперь заботятся о том, чтобы подвергнуть этому развращению и женщин.)

При представительном правлении и всеобщих выборах сделалось то, что каждый обладатель частицы власти подвергся всем тем зловредным влияниям власти, которые сопутствуют ей: подкупу, лести, тщеславию, самомнению, праздности и, главное, безнравственному участию в делах насилия. Всякий член парламента подвергается всем этим соблазнам еще в большей степени. Всякий депутат всегда начинает свое вступление во власть подкупом, спаиванием, одурением, обещаниями, которых он знает, что не сдержит, и, заседая в палате, участвует в составлении законов, приводимых в исполнение насилеи. То же со всякими сенаторами, президентами. Существует определенная цена местам в парламенте, существуют дельцы, устраивающие эти сделки кандидата с избирателями. Тот же разврат при выборе президента. Выбор президента в Соединенных Штатах стоит миллионы тем аферистам, которые знают, что выбранный президент будет поддерживать выгодную им систему обложения тех или иных предметов или те или иные монополии, и они сторицей возвратят то, что будет им стоить избрание.

И развращение это со всеми сопутствующими ему явлениями: с желанием избавиться от тяжелого труда и пользоваться выработанными другими удобствами и приятностями жизни, с недоступными занятому трудом человеку интересами и заботой об общегосударственных делах, с распространением лживых и озлобляющих людей газет и, главное, с враждой народов с народами, сословий с сословиями, людей с людьми, — развращение это росло и дошло в наше время до такой степени, что борьба всех людей друг против друга стала столь обычным явлением, что наука, та наука, которая занята оправданием всех гадостей, делаемых людьми, решила, что борьба и вражда всех против всех есть необходимое и благодетельное условие человеческой жизни.

Тот мир, который древним народам, приветствовавшим друг друга словами: «мир вам», представлялся всегда как высшее благо, теперь совершенно исчез среди западных народов, и не только исчез, но люди стараются с помощью науки уверить себя, что не в мире, а в борьбе всех против всех высшее назначение человека.

И в действительности, среди западных народов ведется непрерывающаяся

промышленная, торговая, военная борьба: борьба государства с государством, сословия с сословием, рабочих с капиталистами, партии с партиями, человека с человеком.

Но этого мало. Главным последствием этого участия во власти всех людей оказалось еще и то, что люди, всё более и более отвлекаясь от прямого труда земледелия и всё более и более вовлекаясь в самые разнообразные приемы пользования чужими трудами, лишились и своей независимости и уже самым положением своим приведены к необходимости безнравственной жизни. Не имея охоты и привычки кормиться трудами с своей земли, западные народы неизбежно должны были приобретать средства для своего существования от других народов. Приобретать же они могли эти средства только двумя путями: обманом, то есть обменом большей частью ненужных и развращающих предметов, как алкоголь, опиум, оружие, на необходимые им предметы питания и насилием то есть грабежом народов Азии, Африки, везде, где они чувствуют возможность безнаказанно грабить.

Таково положение Германии, Австрии, Италии, Франции, Соединенных Штатов и в особенности служащей предметом подражания и зависти других народов Великобритании. Почти все люди этих народов, сделавшись сознательными участниками насилия, отдают свои силы и внимание на деятельность правительственную, промышленную и торговую, имеющую главной целью удовлетворение потребностей роскоши богатых, и становятся людьми — отчасти прямой властью, отчасти деньгами — властвующими над земледельческими народами, которые доставляют им предметы первой необходимости как в своем государстве, так и вне его.

Таково в некоторых государствах большинство, в некоторых еще меньшинство; но процент этих живущих чужими трудами людей неудержимо и с большой быстротой увеличивается в ущерб тех, которые еще трудятся разумным земледельческим трудом. Так что уже теперь большинство народов западной Европы находятся в том положении (Соединенные Штаты не находятся еще в этом положении, но неудержимо идут к нему), что они не могут кормиться своим трудом на своей земле. Им надо, так или иначе, насилием или обманом, отбирать нужные для существования предметы у других, живущих еще независимо своими трудами народов. Они и делают это либо развращением чужих народов, либо грубым насилием.

При этом происходит (как это и не может быть иначе) то, что и промышленность, ставя своей главной целью удовлетворение требований богатых и самого богатого из богатых лица — правительства, главные силы свои направляют не на улучшение труда земледельцев, а на возможность кое-как обрабатывать машинами большие пространства земли, отнятые у народа, на приготовление женских нарядов, роскошных дворцов, конфет, игрушек, автомобилей, табаку, вина, гастрономических предметов, лекарств, огромного количества печатной бумаги, пушек, ружей, пороха, ненужных железных дорог и т. п.

А так как никогда не может быть конца прихотям людским, когда они удовлетворяются не своими, а чужими трудами, то промышленность всё более и более занимается самыми ненужными, глупыми, развращающими

людей производствами и всё больше и больше отвлекает людей от разумного труда; и конца этим выдумкам и приготовлениям потех для праздных людей не предвидится никакого, тем более, что чем глупее и развратнее изобретения, как заменяющие ноги и животных автомобили, подъемные на горы железные дороги или блиндированные автомобили с пулеметами, тем более довольны и гордятся ими как изобретатели, так и пользующиеся ими.

VII.

По мере продолжительности существования представительства и распространения его западные народы всё более и более оставляли земледелие и отдавали свои умственные и телесные силы на деятельность промышленную и торговую для удовлетворения роскоши богатых классов, для борьбы народа с народом и для развращения неразвращенных людей. Так, в Англии, живущей долее других наций под представительным правлением, теперь уже менее одной седьмой только населения занято земледелием, в Германии 0,45, во Франции половина; так и в других государствах. Так что в настоящее время положение этих государств таково, что, если б они могли избавиться от бедствий пролетариата, они не могли бы существовать независимо от других стран. Все народы эти не могут сами кормиться своими трудами и всегда, как пролетарии от достаточных классов, находятся в полной зависимости от тех народов, которые кормят себя и могут продавать им свои избытки, как Индия, Россия, Австралия.

Англия на своей земле в настоящее время прокармливает менее одной пятой своего населения, Германия – менее половины, так же и Франция, так же и другие народы; и положение этих народов с каждым годом становится все более и более зависимым от средств пропитания, доставляемых им другими народами.

Для того же, чтобы существовать этим народам, им необходимы те обманы и насилия, которые называются на их языке приобретением рынков и колониальной политикой, что они и делают, естественно стремясь всё дальше и дальше закидывать свои поработительные сети на людей, живущих еще разумной трудовой жизнью во всех частях света. Все они, соперничая друг с другом, всё сильнее и сильнее вооружаются и всё хитрее и хитрее под разными предлогами занимают у людей, живущих разумной жизнью, их земли и заставляют их кормить себя.

До сих пор они еще могут делать это. Но предел захвата рынков, обмана покупателей, продажи ненужных и вредных предметов и порабощения далеких народов уже виден. Люди далеких народов начинают уже сами развращаться, научаются делать сами для себя все те предметы, которые им доставляли западные народы, главное же, научаются нехитрой науке так же вооружаться и быть столь же жестокими, как их учителя.

Так что уже виден конец такого безнравственного существования. И люди западных народов видят этот конец и, чувствуя себя не в силах остановиться, спасаются, как это всегда делают люди, губящие свою жизнь и видящие это, – спасаются самообманом и слепой верой. И такая слепая вера всё более и более распространяется среди большинства западных народов. Вера эта состоит в том, что те изобретения, усовершенствования для увеличения удобств жизни богатых людей и все те изобретения средств борьбы с людьми, то есть убийства людей, которые в продолжение нескольких поколений были вынуждены изготавливать поработанные рабочие, составляют нечто очень важное, почти священное, называемое на языке людей, поддерживающих такую жизнь, культурой или еще важнее цивилизацией.

И как у всякой веры была своя наука, так у веры в цивилизацию есть своя наука социология, цель которой одна: оправдание того ложного и безвыходного положения, в котором находятся теперь люди западного мира. Наука эта доказывает, что все те изобретения: броненосцы, телеграфы, нитроглицериновые бомбы, фотографии, электрические дороги и т. п. всякого рода одуряющие народ глупые и гадкие выдумки, предназначенные на увеличение удобств праздных людей и для защиты их силой, представляют из себя не только нечто хорошее, но и священное, predeterminedенное высшими неизменными законами, и что поэтому самый разврат, который они называют цивилизацией, есть необходимое условие жизни людской и неизбежно должен быть усвоен всем человечеством.

И вера эта так же слепа, как и всякая вера, и так же непоколебима и самоуверенна.

Можно спорить и обсуждать всякие положения, но цивилизация, именно те изобретения и те формы жизни, в которых мы живем, и все те глупости и гадости, которые мы производим, есть несомненное благо, неподлежащее обсуждению. Всё, что нарушает веру в цивилизацию, – ложь; всё, что поддерживает эту веру, – священная истина.

Вот эта–то вера и эта наука этой веры и делают то, что западные люди, идя по своему гибельному пути, не желают видеть и признавать того, что этот путь ведет к неизбежному уничтожению тех, которые идут по нем. Самые же так называемые передовые из них веселят себя при этом мыслью, что они, не сворачивая с этого пути, придут не к гибели, а к величайшему благу. Они уверяют себя, что посредством того же насилия, которое привело их к их гибельному положению, сделается еще и то, что среди людей, стремящихся к наибольшему материальному, животному благу, как–то сами собой, под влиянием учения социализма, вдруг явятся люди, которые, обладая властью, но не развращаясь ею, установят такую жизнь, при которой люди, привыкшие к жадной эгоистической борьбе за свои выгоды, вдруг сделаются самоотверженными и все будут вместе на общую пользу работать и всем равно пользоваться.

Но и это верование, не имея никаких разумных оснований, в последнее время теряет все больше и больше доверия среди мыслящих людей и держится только в массах рабочего народа, которому оно отводит глаза от бедствий настоящего, давая хоть какую–нибудь надежду на блаженное будущее.

Такова общая большинству западных народов вера, влекущая их к гибели. И влечение это так сильно, что голоса живших среди них мудрых людей, как Руссо, Ламенэ, Карлейль, Рёскин, Чаннинг, Гаррисон, Эмерсон, Герцен, Карпентер, не оставляют никакого следа в сознании людей, бегущих к гибели и не желающих видеть и признавать этого.

И вот на этот путь гибели приглашают теперь русский народ европейские политики, радуясь тому, что еще новый народ присоединится к их безвыходному положению. И на тот же путь толкают его легкомысленные русские люди, находящие гораздо более удобным и простым, вместо того чтобы думать своим умом, рабски следовать тому, что в свое время, за сотни лет тому назад, еще не зная того, куда это приведет их, делали западные народы.

VIII.

Подчинение насилию привело как восточные, продолжающие повиноваться своим развращенным властителям народы, так и западные народы, распространившие власть и сопутствующее ей развращение среди народных масс, не только к великим бедствиям, но и к неизбежному столкновению западных народов с восточными – столкновению, угрожающему тем и другим народам еще большими бедствиями.

Западные народы, кроме своих внутренних бедствий и развращения большей части своего населения вследствие его участия во власти, приведены к необходимости обманом и насилием отнимать для своего пропитания труды восточных народов, чего они и достигают посредством выработанных ими известных приемов, называемых цивилизацией, дающих им для этого возможность, до тех пор пока восточные народы не научились тому же. Восточные народы, большинство их, до сих пор продолжают повиноваться своим правительствам и, отставая в выработке средств борьбы с западными народами, приведены к необходимости покоряться им.

Но некоторые из них уже теперь начинают выучиваться тому разврату цивилизации, которому обучают их европейцы, и, как это показали японцы, легко усваивают всю немудрую хитрость безнравственных и жестоких приемов цивилизации и готовятся теми же средствами, которые употреблялись против них, дать отпор своим угнетателям.

И вот русский народ, стоящий между теми и другими народами, усвоивший себе отчасти приемы запада, но продолжавший до настоящего времени повиноваться своему правительству, самой судьбой поставлен в такое положение, при котором он должен остановиться и задуматься, с одной стороны видя те бедствия, к которым вместе с восточными народами привело его повиновение деспотической власти, а с другой – видя то, что ограничение власти среди западных народов и

распространение ее во всем народе не облегчило бедствий народа, а только привело людей этих народов и к развращению и к тому положению, в котором они должны жить обманом и грабежом других народов, русский народ, естественно, должен как-нибудь иначе изменить свое отношение к власти, а не так, как изменяли его западные народы.

Русский народ стоит теперь в положении сказочного богатыря на разделении двух дорог, одинаково ведущих к гибели.

Продолжать повиноваться своему правительству русскому народу уже невозможно: невозможно потому, что, раз освободившись от того престижа, который до сих пор окружал русское правительство, раз поняв, что большинство испытываемых народом бедствий происходит от правительства, русский народ уже не может перестать понимать причину испытываемых им бедствий и не желать освободиться от нее. Не может, кроме того, продолжать повиноваться правительству русский народ еще и потому, что в действительности теперь правительства, такого правительства, которое дает досуг и спокойствие народу, уже не существует; есть только две озлобленные борющиеся партии, но того правительства, которому спокойно бы можно было повиноваться, уже нет теперь.

Продолжать теперь русскому народу повиноваться своему правительству – значит продолжать нести не только всё увеличивающиеся и увеличивающиеся бедствия, которые он терпел и терпит: обезземеление, голод, тяжелые подати, бесполезные, жестокие и губительные войны, но и, главное, принимать еще участие в тех злодеяниях, которые для своей защиты и, очевидно тщетно, совершает теперь это правительство.

Еще менее разумно русскому человеку вступить на путь западных народов, когда погибельность этого пути уже явно обозначилась. Явно неразумно было бы русскому народу поступить так, потому что западные народы могли избрать тот путь, который привел их к сознанию ложности его тогда, когда они не знали еще, к чему он приведет их; русский же народ не может не знать и не видеть этого.

Кроме того, вступая на этот путь, большинство людей запада были преимущественно люди, добывающие свои средства существования промышленностью, обменом, торговлей и рабовладельчеством прямым (неграми) или косвенным, как это происходит и теперь в европейских колониях; русский же народ – народ преимущественно земледельческий. Вступить русскому народу теперь на тот путь, по которому шли западные народы, – значит сознательно совершать те же насилия, какие требует от него его правительство, только не за правительство, а против него, то есть грабить, жечь, взрывать, убивать людей, вести междоусобную войну и, совершая все эти злодеяния, зная, что совершаешь их теперь не по чужой, а по своей воле, и в конце концов достигнуть только того, чтобы, так же как и все западные народы, после вековой борьбы испытывать все те же главные бедствия, от которых он страдает теперь: лишение земли, тяжелые, всё растущие подати, государственные долги, увеличивающиеся вооружения и жестокие бессмысленные войны. И, мало того, лишиться при этом, как и западные народы, своего главного блага – своей привычной, любимой

земледельческой жизни, стать в безвыходное положение зависимости от чужих трудов. Да еще стать в это положение при самых невыгодных условиях, то есть бороться с западными народами промышленной и торговой борьбой с полной уверенностью быть побежденными. Погибель на том, погибель и на этом пути.

IX.

Что же делать русскому народу?

Ответ, казалось бы, самый естественный и простой, вытекающий из сущности самого дела; не делать ни того, ни другого, то есть не повиноваться ни своему правительству, которое довело его до настоящего бедственного состояния, ни устраивать себе по образцу западных народов такое же представительное, насильническое правительство, которое привело эти народы к еще худшему положению.

Ответ этот, самый простой и естественный, особенно свойствен русскому народу вообще и в особенности в его теперешнем положении.

Ведь в самом деле, можно только удивляться, для чего крестьянин-земледелец Тульской, Саратовской, Вологодской, Харьковской губернии, не получая никакой выгоды от своего подчинения правительству и только терпя от этого подчинения всякие бедствия в виде поборов, судов, отнимания земли, солдатчины, до сих пор не только покорялся правительству, но сам, делая противные своей совести дела, содействовал своему порабощению: давал подати, не зная и не спрашивая, на что они употребляются, давал своих сыновей в солдаты, еще менее зная, для чего нужны мучения и смерть этих, с таким трудом вскормленных и так необходимо нужных ему, работников.

Так же или еще более удивительно было бы то, чтобы такой живущий своей мирной независимой жизнью и совершенно не нуждающийся в правительстве земледелец, крестьянин, для того чтобы избавиться от тягостей, претерпеваемых им от насильнической ненужной ему власти, вместо того чтобы просто перестать повиноваться ей, стал посредством того самого насилия, от которого он страдает, заменять прежнюю насильническую власть новою, такую же насильническою, как это делал в свое время французский или английский крестьянин.

Ведь стоит только русским земледельческим людям перестать повиноваться какому бы то ни было насильническому правительству и перестать участвовать в нем, и тотчас уничтожились бы сами собой и подати, и солдатство, и все притеснения чиновников, и земельная собственность, и происходящие от нее бедствия рабочего народа. Уничтожились бы все эти бедствия, потому что некому бы было производить их.

Русский народ находится, для того чтобы поступить так, в

исключительно выгодных для этого как исторических, так и экономических и религиозных условиях.

Первое условие то, что русский народ пришел к необходимости изменения своего отношения к власти тогда, когда ошибочность пути, по которому шли западные народы, с которыми он уже давно находится в самых тесных сношениях, выяснилась вполне.

Власть на западе совершила полный круг; люди западных народов, как и все народы, сначала допустили над собой насильническую власть, для того чтобы избавиться от борьбы, забот и греха власти. Когда же власть эта развратилась и стала тяжела, они захотели облегчить ее тяжесть ограничением ее, то есть участием в ней. Участие это, всё более и более распространяясь, сделало то, что всё большее и большее количество людей стало участвовать во власти. И кончилось тем, что люди, допустившие власть для того, чтобы быть свободными от борьбы и участия во власти, были в большинстве своем приведены к необходимости участия в борьбе и власти и к необходимому последствию, сопутствующему власти, — к развращению.

Выяснилось вполне, что мнимое ограничение власти есть только перемена властителей и увеличение их числа и вследствие этого увеличение развращения, раздражения и озлобления людей. (Власть как была, так и осталась властью немногих худших над большинством лучших людей.) Выяснилось еще и то, что увеличение числа участников власти отвлекло людей от свойственного всем людям труда земледелия и привело их к производству и перепроизводству фабричным трудом предметов ненужных и вредных и принудило большинство западных народов основать свою жизнь на обмане и порабощении других народов.

То, что все это вполне выяснилось в наше время на жизни западных народов, в этом первое выгодное условие, в котором находится русский народ, только теперь переживающий момент необходимости изменения своего отношения к власти.

Русскому народу итти теперь на тот путь, по которому шли западные народы, всё равно, что путешественнику итти на тот ложный путь, на который сбились его предшественники и с которого уже возвращаются ему навстречу наиболее проницательные из сбившихся на ложный путь людей.

Второе условие то, что, в то время как все западные народы более или менее оставили уже или оставляют земледелие и живут преимущественно промышленной и торговой жизнью, русский народ приведен к необходимости изменения своего отношения к власти тогда, когда он живет еще в огромном большинстве своем земледельческой жизнью, любит ее, дорожит ею, так что большинство русских людей, оторвавшихся от земледельческой жизни, всегда готовы вернуться к ней при первой возможности.

Условие это особенно важно для русских людей при освобождении себя от зла власти, так как при земледельческой жизни люди менее всего нуждаются в правительстве или, скорее, земледельческая жизнь менее всякой другой дает правительству поводы вмешательства в жизнь

народа. Я знаю земледельческие общины, которые уходили на дальний восток, селились в таких местах, где не было ясной, определенной границы Китая и России, и, не имея дела ни с каким правительством, жили и благоденствовали, пока не бывали открыты русскими чиновниками.

Люди городские обыкновенно смотрят на земледельческую жизнь как на одно из низших занятий, которым человек может отдавать свои силы. А между тем огромное большинство людей всего мира занято земледелием, и на этом занятии держится возможность существования всех остальных людей. Так что в действительности род человеческий состоит только из земледельцев. Все же остальные люди: министры, слесаря, профессора, плотники, художники, портные, ученые, лекаря, генералы, солдаты – суть только или слуги или паразиты земледельцев. И потому земледелие, кроме того что составляет самое нравственное, здоровое, радостное и нужное занятие, есть и высшее из всех занятий людских и одно дает людям истинную независимость.

Русский народ в своем огромном большинстве живет еще этой самой естественной, самой нравственной и независимой земледельческой жизнью, и это – то и составляет второе, великой важности условие, по которому русскому народу, придя к необходимости изменения своего отношения к власти, возможно и естественно изменить его только в смысле освобождения себя от зла всякой власти посредством простого прекращения повиновения какому бы то ни было правительству.

Таковы два первые условия.

Оба эти условия внешние.

Третье же условие – внутреннее – состоит в той религиозности, которая по данным и русской истории, и по наблюдению иностранцев, изучавших русский народ, и, главное, по собственному внутреннему сознанию всякого русского человека составляло и составляет исключительную черту характера русского народа.

В западной Европе, вследствие ли того, что Евангелие, печатавшееся на латинском языке, было недоступно народу до реформации и осталось недоступно во всем католическом мире, или вследствие утонченности средств, употребленных папизмом для скрытия от народа истинного христианства, вследствие ли особенного практического характера этих народов, несомненно то, что сущность христианства давно уже не только в католичестве, но и в лютеранстве и тем более в англиканстве перестала быть верой, руководящей в жизни, заменилась или внешними обрядами или в высших сословиях индифферентизмом и полным отрицанием всякой религии. Между тем в русском народе, во всем огромном большинстве его, вследствие ли того, что Евангелие стало доступно ему еще в X столетии, вследствие ли грубости и тупости византийско-русской церкви, неумело и потому неуспешно старавшейся скрыть христианское учение в его истинном смысле, вследствие ли особенных черт характера русского народа и его земледельческой жизни, христианское учение в его приложении к жизни не переставало и до сих пор продолжает быть главным руководителем жизни русского народа в его огромном большинстве.

С самых древних времен и до нашего времени христианское понимание жизни проявлялось и до сих пор проявляется в русском народе самыми разнообразными и только русскому народу свойственными чертами. Проявляется оно и в признании братства и равенства всех людей каких бы то ни было пород и народов, и в полной веротерпимости, и в неосуждении преступников, а в признании их несчастными; и в вошедшем в обычай в известные дни испрашивания друг у друга прощения, даже в обычном выражении: «прощайте» и «простите», и при всяком расставании с человеком; в распространенном среди народа не только милосердии к нищенству, но уважения к нему; в той, часто грубо проявляющейся, готовности полной жертвы всем во имя того, что считается религиозной истиной, как это выражалось и выражается до сих пор и в самосожигателях, и в скопчестве, и даже в недавних случаях зарывания себя живыми в землю.

Такое же христианское отношение проявлялось всегда в русском народе и к власти. Народ всегда предпочитал покорность власти участию в ней, всегда считал и считает грехом, а никак не желательным положение властвующих. В этом христианском отношении русского народа к жизни вообще и в особенности к власти и заключается то третье и самое важное условие, по которому русскому народу в его теперешнем положении проще и естественнее всего сделать то, чтобы, продолжая жить своей обычной земледельческой, христианской жизнью, не принимать никакого участия ни в старой власти, ни в борьбе между старой и новой.

Таковы те три особенные от западных народов условия, в которых находится русский народ в теперешнее важное для него время. Условия эти, казалось, должны бы были побудить его к избранию самого простого выхода из своего положения, состоящего в непризнании и неповиновении ни той, ни другой, никакой насильнической власти. А между тем русский народ в теперешнее трудное и важное для него время не только не избирает этого естественного для него выхода, а, колеблясь между тем и другим, правительственными и революционными насилиями, начинает даже в лице своих худших представителей принимать участие в насилиях и как будто готовится идти по тому гибельному пути, по которому шли западные народы.

Отчего это?

Х.

Отчего происходит и произошло такое удивительное явление, что люди, страдая от злоупотреблений власти, которую они сами допускают и поддерживают, не делают того, что самым простым и легким способом избавляет их от всех бедствий власти, – не перестают просто повиноваться ей? И не только не делают этого, но продолжают делать то самое, что лишает их телесного и духовного блага, или продолжая

повиноваться существующей власти или устанавливая такую же новую насильническую власть и повинуюсь ей?

Отчего это? Люди чувствуют, что бедственность их положения происходит от насилия, смутно сознают, что, для того чтобы им освободиться от своих бед, им нужна свобода, но удивительное дело – для того чтобы избавиться от насилия и приобрести свободу, ищут и употребляют и придумывают самые разнообразные средства: бунты, перемену властителей, переустройство правлений, всякого рода конституции, установление новых отношений между государствами, колониальную политику, организацию пролетариата, тресты, социалистическое устройство – всё, но только не то одно, что проще и легче всего и наверное избавляет их от всех бедствий: прекращение повиновения власти.

Казалось, должно бы быть совершенно ясно людям, не лишенным рассудка, что насилие производит насилие, что единственное средство избавления от насилия только в неучастии в нем. Средство это, казалось бы, совершенно очевидно. Совершенно очевидно, что люди, большее количество людей, могут быть поработаны малым количеством людей только потому, что поработанные люди сами участвуют в своем поработании.

Если народы поработаны, то они поработаны только потому, что они или боролись насилием с насилием или принимали участие в насилии ради своих личных выгод.

Люди, не борющиеся с насилием и не принимающие участия в нем, так же не могут быть поработаны, как не может быть разрезана вода.

Они могут быть ограблены, лишены возможности двигаться, изранены, убиты, но они не могут быть поработаны, то есть принуждены поступать противно своей разумной воле.

Так это с отдельными людьми и то же с народами. Если бы двести миллионов индусов не повиновались бы власти, требующей от них участия в насилиях, всегда связанных с убийством: не шли бы в солдаты, не давали бы податей на дела насилия, не льстились бы на предоставленные им насильниками отобранные от них же выгоды, не повиновались бы вводимым среди них английским законам, то не только пятьдесят тысяч англичан, но и все англичане вместе не могли бы поработить Индию, если бы индусов было не 200 миллионов, а одна тысяча. Точно так же и с поляками, чехами, ирландцами, бедуинами и всеми покоренными народами. То же и с рабочими, поработанными капиталистами. Никакие капиталисты в мире не могли бы поработить рабочих, если бы сами рабочие не помогали им, не содействовали своему поработанию.

Всё это так очевидно ясно, что совестно говорить про это. А между тем разумно рассуждающие во всех других условиях жизни люди не только не видят этого и не делают того, что указывает им разум, а делают всё совершенно противное и разуму и своей выгоде.

«Не могу я начать делать первый то, что никто не делает, – говорит

каждый. – Пускай начнут другие, и тогда и я перестану повиноваться власти». И то же говорит и другой, и третий, и все.

Все под предлогом, что никто не может начинать первый, не делают того, что для всех несомненно выгодно, а продолжают делать то, что всем невыгодно и вместе с тем неразумно и противно природе людей.

Никто не хочет перестать повиноваться власти для того, чтобы не подвергнуть себя преследованию власти, зная, что, повинаясь власти, он будет подвергаться на войнах и междоусобиях всякого рода гораздо худшим бедствиям.

Отчего это?

А оттого, что люди, подчиняющиеся власти, не рассуждают, а действуют под влиянием того, что всегда было одним из самых распространенных двигателей поступков людей, того, что особенно подробно исследовано и выяснено в последнее время и называется внушением или гипнозом. Гипноз этот, препятствующий людям делать то, что свойственно их разумной природе и всем им выгодно, и заставляющий их делать неразумное и невыгодное, состоит в признании того, что те насилия, которые совершаются людьми, называющими себя государственной властью, не суть просто безнравственные поступки безнравственных людей, а есть проявление деятельности некоего особенного, таинственного, священного существа, называемого государством, без которого никогда не существовали люди (что совершенно несправедливо) и не могут существовать.

Но как, каким образом могут разумные существа – люди подчиняться такому удивительному, противному разуму чувству и выгоде людей внушению?

Ответ на этот вопрос тот, что подлежат гипнозу, внушению не только дети, душевно больные и идиоты, но и все люди в той мере, в которой ослабляется в них религиозное сознание, то есть сознание своего отношения к тому высшему началу, от которого зависит их существование. Большинство же людей нашего времени всё больше и больше становится лишенным этого сознания.

Лишено же в наше время большинство людей этого сознания потому, что люди, раз совершив грех подчинения себя человеческой власти, не признали этого греха грехом, а, стараясь скрыть от самих себя, оправдать эту ошибку, возвеличили ту власть, которой они подчинялись, и довели ее до того, что власть эта заменила для них закон божеский. Когда же закон человеческий заменил закон божеский, люди лишились религиозного сознания, подпали государственному гипнозу, состоящему во внушенной им иллюзии, что люди, порабащивающие их, не суть просто заблудшие, порочные люди, а суть представители того мистического существа – государства, без которого будто бы не могут жить люди.

Совершился ложный круг: подчинение власти ослабило и отчасти уничтожило в людях религиозное сознание, а ослабление и утрата религиозного сознания подчинили людей человеческой власти.

Начало греха власти было такое: насильники сказали насилуемым: «Исполняйте то, что мы будем требовать от вас: за неисполнение наших велений мы убьем вас. Если же вы будете повиноваться, устроим у вас порядок и защитим вас от других насильников».

И насилуемые, для того чтобы им можно было жить своей привычной жизнью и не бороться ни с этими, ни с другими насильниками, как бы сказали: «Хорошо, мы будем повиноваться вам; устраивайте какие хотите порядки, мы будем поддерживать эти порядки, только бы нам можно было спокойно жить и кормиться с своими семьями».

Насилующие не видали своего греха из-за увеличения и выгод власти. Насилуемые же думали, что не совершают греха, покоряясь насильникам, так как им казалось, что покорность их лучше борьбы. Но в этой покорности был грех, и грех был не менее греха тех, которые производили насилия. Если бы насилуемые переносили все тяжести, поборы, жестокости, не признавая законности власти насильников, не обещаясь повиноваться им, они бы не совершили греха. Но в обещании повиновения власти заключался грех (ἁμαρτία – ошибка, грех), такой же грех, как и грех властвующих.

В обещании повиновения насильнической власти, в признании ее законности был двойной грех, во-первых, тот, что покорившиеся насильникам люди, для того чтобы избавиться от греха борьбы, допускали этот грех в тех, кому они покорялись, и другой грех – тот, что они отрекались от своей истинной свободы, то есть покорности воле Бога, обещаясь во всяком случае повиноваться власти. А такое обещание, включая в себя допущение, при противоречии требований власти с законом Бога, возможность неповиновения Богу, обещание повиновения человеческой власти было отречение от воли Бога, потому что насильническая власть государства, требуя от подчиняющихся участия в убийствах, в войнах, казнях, в законах, утверждающих приготовления к войнам и казням, в основе своей находится в прямом противоречии с волей Бога. И потому люди, повинующиеся власти, этим самым повиновением отрицают свое повиновение закону Божию.

Нельзя немножко в одном отступить, а в другом удержать закон Бога. Ясно, что если в одном чем-нибудь закон Божий может быть заменен законом человеческим, то закон Бога уже не закон высший, всегда обязательный; а если он не такой, то и нет его.

Лишаясь же руководства закона Бога, то есть высшего человеческого свойства, люди неизбежно опускаются на ту низшую ступень человеческого существования, при которой мотивами их деятельности становятся только личные страсти и то внушение, которому они подвергаются.

В таком положении покорности внушению, необходимости повиновения государству находятся все народы, живущие в соединениях, называемых государствами. В таком же положении находится и русский народ.

От этого-то и происходит то кажущееся столь странным явление, что сто миллионов земледельческого русского народа, составляющего такое

большинство, что может быть названо всем русским народом, не нуждающихся ни в каком правительстве, не избирают того естественного и наилучшего выхода из своего положения, состоящего в простом прекращении повиновения всякой насильнической власти, а, продолжая участвовать в старом правительстве, всё больше и порабощают сами себя или, борясь с этим правительством, готовят себе новое, такое же как и прежнее, насильническое правительство.

XI.

Часто приходится слышать и читать рассуждения о причинах того раздраженного, непрочного и грозящего всякого рода опасностями положения всех христианских народов и того ужасного положения, в котором находится теперь ошалевший, озверевший в некоторых своих частях русский народ. Причины приводятся самые разнообразные. А между тем все причины могут быть сведены к одной. Люди забыли Бога, то есть забыли про свое отношение к бесконечному Началу жизни, забыли про вытекающее из этого отношения назначение каждого человека, состоящее прежде всего в исполнении для себя, для своей души закона, положенного этим Началом–Богом. Забыли про это вследствие того, что одни признали за собой право властвовать над людьми посредством угрозы убийства, а другие согласились повиноваться этим людям и участвовать в их властвовании. Признав же это, люди самым делом отреклись от Бога и заменили Его закон законом человеческим.

Забыв же про свое отношение к Бесконечному, люди, несмотря на всю утонченность произведений рассудка, спустились в своем большинстве на низшую степень сознания, на ту степень, на которой они руководимы только животными страстями и стадным внушением.

От этого все бедствия.

И потому избавление от бедствий, которыми сами себя мучают люди, – в одном: в восстановлении в себе сознания своей зависимости от Бога и вытекающего из этого сознания разумного и свободного отношения к себе и своим ближним.

И вот это–то сознательное подчинение Богу и, вследствие его, прекращение греха власти и подчинение ей и предстоит теперь всем народам, страдающим от последствий своего греха.

И возможность и необходимость этого прекращения повиновения человеческой власти и возвращения к закону Бога смутно чувствуется всеми людьми и особенно живо теперь русским народом. И в этом смутном сознании возможности и необходимости восстановления повиновения закону Бога и прекращения повиновения власти человеческой – сущность того движения, которое происходит теперь в России.

То, что совершается теперь в русском народе, не есть, как это представляется многим, восстание народа против своего правительства для замены одного правительства другим, а есть гораздо большее и значительнейшее явление. То, что двигает теперь русским народом, есть смутное сознание незаконности, неразумности всякого насилия, насилия вообще, и возможности и необходимости установления жизни, основанной не на насильнической власти, какой она была до сих пор во всех народах, а на разумном и свободном согласии.

Совершит ли русский народ это великое предстоящее ему дело или, пойдя по пути западных народов, лишится этой возможности и предоставит другому, более счастливому восточному народу быть руководителем людей в предстоящем всему человечеству деле освобождения от подмены божеской власти властью человеческой, но несомненно то, что в наше время всё яснее и яснее сознается всеми народами возможность замены насильнической, безумной и злой жизни жизнью свободной, разумной и доброй. А что есть в сознании, то неизбежно осуществится в действительности. Сознание людей есть проявление воли Бога, а воля Бога должна и не может не совершиться.

XII.

«Но разве возможна общественная жизнь без власти? Без власти люди не переставая грабили бы и убивали друг друга», говорят люди, верующие только в закон человеческий. Такие люди искренно убеждены, что воздерживаются от преступлений и живут добропорядочной жизнью люди только потому, что есть закон, суды, полиция, администрация, войско и что без власти правительства общественная жизнь стала бы невозможной. Людям, развращенным властью, кажется, что так как некоторые совершаемые в государстве преступления сопровождаются карами правительства, то именно эти-то кары и удерживают людей от тех преступлений, которые могли бы еще быть совершены. Но то, что правительство карает некоторые преступления, совсем не доказывает того, что существование судов, полиции, войска, тюрем и казней удерживает людей от всех тех преступлений, которые люди могли бы совершить. То, что количество совершаемых в обществе преступлений совершенно не зависит от карающей деятельности правительства, с полной очевидностью доказывается тем, что при известном настроении общества никакие усиленные карательные меры правительств не могут остановить совершение самых смелых, жестоких и нарушающих безопасность общества преступлений, как это происходило при всех революциях и как это с поразительной очевидностью происходит теперь в России.

Происходит это потому, что люди – большинство народа, весь рабочий народ – воздерживаются от преступлений и живут доброй жизнью не оттого, что есть полиция, войско, казни, а оттого, что существует общее большинству людей нравственное сознание, устанавливаемое общим

религиозным пониманием людей и основанное на этом понимании воспитанием, обычаями, общественным мнением.

Только это нравственное сознание, выражаемое общественным мнением, и удерживает людей от преступлений и в городских центрах и в особенности в селах, где живет большинство населения.

Я знаю многие примеры русских земледельческих общин, выселявшихся на дальний восток и живших и благоденствовавших там десятки лет. Общины эти управлялись сами собой, будучи неизвестны правительству, и вне воздействия его, и при открытии их агентами правительства только испытали новые, неизвестные им прежде бедствия и получили новую склонность к преступлениям.

Деятельность правительств не только не удерживает людей от преступлений, а, напротив, всегда расшатывая и понижая нравственный уровень общества, увеличивает их количество. И это не может быть иначе, так как правительства всегда и везде по самому призванию своему необходимо должны ставить на место высшего, обязательного для всех, не писанного в книгах, а написанного в сердцах людей вечного, религиозного закона свои, писанные людьми и имеющие целью не общее благо, не справедливость, а вызванные политическими, внутренними и внешними соображениями несправедливые законы.

Таковы все существующие во всех правительствах явно несправедливые основные законы: законы об исключительном праве малой части людей на общую всем землю, законы о праве одних людей на труд других, об обязанности людей давать деньги на цели убийства или самим идти в солдаты и воевать, законы о монополиях на одуряющую отраву, или о запрещении обмениваться предметами труда через известную черту, называемую границей, или о казнях людей за поступки не безнравственные, но такие, которые невыгодны властвующим.

Все эти законы, требования под угрозой насилия исполнения их и публичные казни, совершаемые за неисполнение законов и, главное, требование участия в войнах и обычное восхваление военных убийств и приготовлений к ним – всё это неизбежно понижает уровень нравственного сознания общества и выражающее его общественное мнение.

Так что правительственная деятельность не только не поддерживает нравственность, а, напротив, трудно придумать более развращающее воздействие на народы, чем то, которое совершалось и совершается всегда и всеми правительствами.

Никогда никаким злодеям из простых людей не могло бы прийти в голову совершать все те ужасы костров, инквизиций, пыток, грабежей, четвертований, вешаний, одиночных заключений, убийств на войнах, ограблений народов и т. п., которые совершались и совершаются всеми правительствами, и совершаются торжественно. Все ужасы Стеньки Разина, Пугачевщины и т. п. суть только последствия и слабые подражания тех ужасов, которые производили Иоанны, Петры, Бироны и которые постоянно производились и производятся всеми правительствами. Если деятельность правительств заставляет

воздерживаться – что очень сомнительно – десятки людей от преступлений, то сотни тысяч преступлений совершаются людьми только потому, что люди воспитываются для преступлений правительственными несправедливостями и жестокостями.

Если люди, участвующие в правительствах, торговые, промышленные, городские, тем или иным путем пользующиеся выгодами, даваемыми властью, еще могут верить в благодетельность власти, то люди земледельческие не могут не знать, что правительство причиняет им только всякого рода страдания и лишения, но никогда не было им нужно и только развращало тех из его членов, которые подвергались его влиянию.

Так что доказывать людям, что они не могут жить без правительства и что тот вред, который им сделают воры и грабители, живущие среди них, больше того вреда, как материального, так и духовного, который, угнетая и развращая их, постоянно производят среди них правительства, так же странно, как было странно во время рабства доказывать рабам, что им выгоднее быть рабами, чем свободными. Но как и тогда, несмотря на очевидность для рабов бедственности их положения, рабовладельцы доказывали и внушали, что рабам полезно быть рабами и что им будет хуже, если они будут свободны (иногда и сами рабы поддавались внушению и верили в это), так и теперь правительства и люди, пользующиеся их выгодами, доказывают, что правительства, грабящие и развращающие людей, необходимы для их блага, и люди поддаются этому внушению.

И люди верят в это, не могут не верить, потому что, не веря в закон божеский, они вынуждены верить в закон человеческий. Для них отсутствие закона человеческого есть отсутствие всякого закона, а жизнь людей, не признающих никакого закона, ужасна, и потому для людей, не признающих закона Бога, отсутствие человеческой власти не может не быть страшно, и они не хотят расстаться с нею.

От этого же неверия в закон Бога и происходит и то кажущееся странным явление, что все теоретики–анархисты, люди ученые и умные, начиная от Бакунина, Прудона и до Реклю, Макса Штирнера и Кропоткина, неопровержимо верно и справедливо доказывая неразумность и вред власти, как скоро начинают говорить о возможности устройства общественной жизни без того человеческого закона, который они отрицают, так тотчас же впадают в неопределенность, многословие, неясность, красноречие и совершенно фантастические, ни на чем не основанные предположения.

Происходит это оттого, что все теоретики–анархисты эти не признают того общего всем людям закона Бога, которому свойственно подчиняться всем людям, а без подчинения людей одному и тому же закону – человеческому или божескому – не может существовать человеческое общество.

Освобождение от человеческого закона возможно только под условием признания общего всем людям закона божеского.

XIII.

«Но если и могут первобытные земледельческие общины, в роде теперешних русских, жить без правительства, – скажут на это, – то как же жить тем миллионам людей, которые уже оставили земледелие и живут в городах промышленной жизнью? Не могут же все люди быть земледельцами».

Только земледельцами и могут быть все люди – совершенно верно отвечает на это возражение Генри Джордж.

«Но если бы все люди вернулись теперь к земледельческой жизни и стали жить без правительственной власти, – говорят еще, – то уничтожилась бы та цивилизация, до которой достигло человечество, а это было бы величайшим бедствием, и потому возвращение к земледельческой жизни было бы не благом, а злом для человечества».

Существует употребительный людьми прием для оправдывания своих заблуждений. Прием этот состоит в том, что люди, считая неопровержимой аксиомой то заблуждение, в котором они находятся, самое заблуждение это со всеми происшедшими от него последствиями соединяют в одно понятие и слово и понятию и слову этому приписывают особенное, неопределенное мистическое значение. Таковы понятия и слова: церковь, наука, право, государство и цивилизация. Так, церковь не есть то, что она есть, то есть собрание некоторых людей, подпавших одному и тому же заблуждению, а есть собрание истинно верующих; право не есть собрание несправедливых законов, составленных некоторыми людьми, но есть определение тех справедливых условий, при которых только и могут жить люди. Наука не есть то, что она есть: случайные рассуждения, которыми в данное время заняты праздные люди, а есть единое истинное знание. Точно так же и цивилизация не есть то, что она есть действительно: вытекающая из насилия власти, ложно и вредно направленная деятельность западных народов, подпавших обману освобождения от насилия насилием, а есть несомненно верный путь к будущему благу человечества.

«Если и правда, – скажут защитники цивилизации, – что все те изобретения, технические приспособления, промышленные произведения, которыми пользуются теперь только люди богатых классов, недоступны теперь рабочим людям и потому в настоящем никак не могут рассматриваться как благо для всего человечества, то происходит это только оттого, что все эти технические приспособления не достигли еще того совершенства, которого должны достигнуть, и распределены еще не так, как должно. Когда же техника машин ещё более усовершенствуется, и рабочие освободятся от власти капиталистов, и все заводы, фабрики будут в их руках, тогда машины будут производить так много всего и так всё это будет хорошо распределено, что все будут пользоваться всем, так что никто ни в чем не будет нуждаться, и все будут благоденствовать».

Но не говоря уже о том, что нет никакой причины предполагать, что те самые рабочие, которые теперь жадно борются друг с другом не только за существование, но за большие удобства, удовольствие и роскошь существования, вдруг сделаются так справедливы и самоотвержены, что будут довольствоваться равной долей благ, предоставляемых им машинами; не говоря об этом, самое предположение о том, что при уничтожении власти правительства и капитала все те заводы с своими машинами, которые могли возникнуть и могли существовать только при власти правительства и капитала, останутся такими же, как они теперь, – самое предположение это совершенно произвольно.

Предполагать, что это так будет, всё равно, что предполагать, что после освобождения крепостных в роскошном барском имении с парком, оранжереями, беседками, домашним театром, оркестром, картинной галереей, конюшнями, охотами, кладовыми, полными разных одежд, все эти блага будут отчасти разделены освобожденными крестьянами между собою, отчасти сохранены для общественного пользования.

Казалось бы очевидно, что в таком барском имении ни лошади, ни одежды, ни оранжереи богатого барина не могут пригодиться освобожденным крестьянам, они не станут поддерживать их, так и при освобождении рабочих от власти правительства и капитала не станут рабочие поддерживать то, что возникло при той власти, и освобожденные рабочие не пойдут работать на заводы и фабрики, которые могли возникнуть только при их порабощении, хотя бы эти заведения могли быть и выгодны и приятны для них.

Правда, что жалко будет при освобождении рабочих от их рабства тех хитроумных машин, которые так скоро и много ткнут прекрасных материй или делают такие хорошие конфеты и зеркала и т. п., но также жалко было и при освобождении крепостных прекрасных скаковых лошадей, и картин, и магнолий, и музыкальных инструментов, и театров, но как освобожденные крепостные заводили своих сообразных своей жизни домашних животных и свои нужные им растения, а сами собой уничтожились и скаковые лошади и магнолии, так же и рабочие, освобожденные от власти и правительства и капитала, направят свои силы на совсем другие работы, чем прежде.

«Но ведь гораздо выгоднее печь все хлебы в одной печи, чем каждому топить свою, и гораздо выгоднее ткать в 20 раз скорее на фабрике, чем на домашнем станке», и т. п., – говорят защитники цивилизации, точно как будто бы люди бессловесная скотина, по отношению которой все вопросы решаются пищей, одеждой, жилищем, большим или меньшим трудом.

Австралийский дикарь очень хорошо знает, что выгоднее огородить один шалашик для себя и для жены, а он городит два, для того чтобы и он и жена могли пользоваться одиночеством. Знает и твердо знает русский крестьянин, что выгоднее жить одним домом с отцом и братьями, а выделяется, строит свою избу и предпочитает терпеть нужду, чем повиноваться старшим или браниться и ссориться. «Щей горшок, да сам большой». Я думаю, и большинство разумных людей предпочтут сами чистить себе платье, сапоги, носить воду и заправлять лампу чем, хоть по одному часу в день идти на фабрику работать обязательную

работу для приготовления всех машин, исполняющих эти дела.

Не будет насилия, и от этих прекрасных машин, не только чистящих сапоги и вытирающих посуду, но и прорезывающих туннели и сдавливающих сталь и т. п., едва ли что-нибудь останется. Освобожденные рабочие неизбежно дадут разрушиться всему тому, что возникло на их рабстве, и неизбежно начнут заводить совсем другие машины и приспособления с другими целями и в других размерах и в совершенно другом распределении.

Это так ясно и очевидно, что люди не могли бы не видеть этого, если бы не были одержимы суеверием цивилизации.

Вот это-то распространенное и утвердившееся суеверие и делает то, что всякое указание на то, что тот путь, по которому идет жизнь западных народов, не верен, и всякая попытка вернуть заблудших людей к разумной и свободной жизни не только не принимается, но рассматривается как некоторого рода кощунство или безумие. Эта-то слепая вера в то, что та жизнь, которую мы устроили себе, и есть наилучшая жизнь, и делает то, что все главные деятели цивилизации: государственные люди, ученые, художники, торговцы, фабриканты, писатели, заставляя рабочих поддерживать свою праздную жизнь, не видят своего греха и вполне уверены, что их деятельность не есть то, что она есть в действительности, — деятельность безнравственная и вредная, а, напротив, есть деятельность очень полезная и важная, и что поэтому они очень важные и полезные для всего человечества люди, и что все те пустяки, глупости и гадости, которые производятся под их руководством, как-то: пушки, крепости, синематографы, храмы, автомобили, разрывные бомбы, фонографы, телеграфы, скоропечатные машины, выпускающие горы бумаги с напечатанными на ней гадостями, лжами и глупостями, останутся такие же и при свободных рабочих и всегда будут составлять великое благо для человечества.

А между тем для людей свободных от суеверия цивилизации не может не быть совершенно ясно, что все те условия жизни, которые у людей западных народов называются теперь цивилизацией, суть не что иное, как уродливые произведения самодурства высших, властвующих классов, каковы были произведения деспотов египетских, вавилонских, римских: пирамиды, храмы, серали; каковы были произведения русских бар: дворцы, крепостные оркестры, театры, пруды, кружева, охоты, парки, устраиваемые рабами для своих господ.

Говорят, что прекращение повиновения правительству и возвращение к земледельческой жизни уничтожит все успехи промышленности, до которых достигли люди, и что поэтому прекращение повиновения власти и возвращение к земледельческой жизни будет дурно. Но нет никакой причины думать, что возвращение людей к безвластию и земледельческой жизни уничтожит все успехи промышленности, действительно полезные людям и не требующие рабства людей. Если же прекращение повиновения власти и возвращение к земледельческой жизни и уничтожит производство того бесконечного количества ненужных, глупых и вредных вещей, которыми занята теперь значительная часть человечества, уничтожит и возможность существования тех праздных людей, которые придумывают все эти ненужные и вредные вещи и оправдывают ими свое

безнравственное существование, то уничтожение этих предметов и людей не будет уничтожением всего, выработанного человечеством для своего блага. Напротив, уничтожение всего, поддерживаемого насилием, выдвинет и вызовет усиленное производство всех тех полезных и нужных технических усовершенствований, которые, не обращая людей в машины и не губя их жизни, могут облегчить труд и украсить жизнь земледельцев.

Разница будет только в том, что при освобождении людей от власти и возвращении к земледельческому труду предметы, производимые искусством и промышленностью, не будут иметь целью, как теперь, потеху богатых людей, праздное любопытство, приготовление к убийству или сохранение, в ущерб полезных жизней, жизней ненужных и вредных или изобретения машин, посредством которых можно кое-как производить малым числом рабочих большое количество предметов или обрабатывать большие пространства земли, а будут производить только те предметы, которые могут увеличить производительность труда земледельцев, обрабатывающих своими руками свои земельные участки, и могут содействовать улучшению их жизни, не отрывая их от земли и не нарушая их свободы.

XIV.

Но как же будут жить люди, не повинующиеся человеческой власти? Как они будут заведовать своими общественными делами? Что будет с государствами? Что станется с Ирландией, Польшей, Финляндией, Алжиром, Индией, вообще с колониями? В какие соединения сложатся народы?

Такие вопросы делают люди, привыкшие думать, что условия жизни всех людских обществ определяются волей и распоряжениями нескольких, и потому предполагающие, что знание того, как сложится будущая жизнь общества, доступно людям, между тем, знание это никогда не было и не может быть доступно людям.

Если бы спросили у самого ученого и образованного римского гражданина, привыкшего думать, что жизнь мира определяется решением римского сената и императоров о том, чем будет римский мир через несколько столетий, или если бы он сам задумал написать такую же книгу, как Беллами и подобные ей, то можно наверно сказать, что он никак не мог бы предсказать хоть приблизительно ни варваров, ни феодализм, ни папства, ни распада и обратного соединения народов в большие государства. Таковы же и те картины с летающими машинами, икс-лучами, электрическими двигателями и социалистическим устройством жизни людей двухтысячного века, которые с такой смелостью рисуют себе Беллами, Моррисы, Анатоли Франсы и др.

Мало того что людям не дано знать, в какую форму сложится в будущем жизнь общества: людям бывает нехорошо оттого, что они думают, что

могут знать это. Нехорошо потому, что ничто так не препятствует правильному течению жизни людей, как именно это мнимое знание о том, какова должна быть будущая жизнь людей. Жизнь и отдельных людей и обществ только в том и состоит, что люди и общества идут к неведомому, не переставая изменяться не вследствие составления рассудочных планов некоторых людей о том, каково должно быть это изменение, а вследствие вложенного во всех людей стремления приближения к нравственному совершенству, достигаемому бесконечно разнообразной деятельностью миллионов и миллионов человеческих жизней. И потому те условия, в которые станут между собою люди, те формы, в которые сложится общество людей, зависят только от внутренних свойств людей, а никак не от предвидения людьми той или иной формы жизни, в которую им желательно сложиться. А между тем люди, неверующие в закон Бога, всегда воображают, что они могут знать, какое должно быть будущее состояние общества, и не только определяют это будущее состояние, но и совершают всякого рода дела, ими же самими признаваемые дурными, для того чтобы общество людей было именно таким, каким они считают, что оно должно быть.

То, что другие люди несогласны с ними и полагают, что жизнь общества должна быть совсем иная, не смущает их, и люди, уверившись в том, что они могут знать, каким должно быть будущее общество, не только отвлеченно решают, но действуют, сражаются, отнимают имущество, запирают в тюрьмы, убивают людей, для того чтобы установить такое устройство общества, при котором, по их мнению, люди будут счастливы.

Старое рассуждение Каиафы: «Лучше погибнуть одному человеку, чем всему народу», неопровержимо для таких людей. Как не убить не только одного человека, но сотни, тысячи людей, если мы твердо уверены, что смерть этих тысяч даст благо миллионам. Люди, не верящие в Бога и закон Его, не могут рассуждать иначе. Такие люди живут, повинаясь только своим страстям, своим рассуждениям и общественному внушению, и никогда не думали о своем назначении в жизни, о том, в чем истинное благо человека; а если и думали, то решили, что знать этого нельзя. И эти-то люди, не зная ничего о том, в чем благо отдельного человека, воображают, что знают, несомненно знают, что нужно для блага всего общества, так несомненно знают, что для достижения этого блага, как они понимают его, совершают дела насилия, убийства, казней, которые сами признают дурными.

Сначала кажется странным, как это люди, не знающие того, что им нужно для самих себя, воображают себе, что твердо и несомненно знают то, что нужно для всего общества, а между тем именно оттого, что они не знают того, что им нужно для самих себя, они и думают, что знают то, что нужно для всего общества.

То недовольство, которое они смутно испытывают, не имея никакого руководства в жизни, они приписывают не себе, а дурному, не такому, какое они придумали, устройству общества, и в заботах об этом переустройстве видят возможность забвения и спасения от сознания неправильности своей жизни. От этого-то люди, не знающие, что делать с самими собой, всегда особенно твердо знают, что делать с обществом. И чем меньше знают о себе, тем тверже знают об обществе.

Таковы большей частью или самые легкомысленные юноши или самые развращенные общественные деятели, как Мараты, Наполеоны, Николаи, Бисмарки. И от этого-то и полна история народов самыми ужасными злодеяниями.

Самое же вредное последствие такого мнимого предвидения того, чем должно быть общество, и направленной на изменение общества деятельности – то, что именно это-то мнимое предвидение и эта-то деятельность и препятствует больше всего движению общества по тому пути, который свойственен ему для его истинного блага.

И потому на вопрос о том, какая сложится жизнь народов, которые перестанут повиноваться власти, мы отвечаем, что мы не только не можем знать этого, но и не должны думать, что кто-нибудь может знать это. Мы не можем знать, в какие условия станут народы, переставшие повиноваться власти, но несомненно знаем, что мы, каждый из нас, должны делать для того, чтобы эти условия жизни народов были наилучшие. Мы несомненно знаем, что, для того чтобы условия эти были наилучшими, мы прежде всего должны воздерживаться от тех дел насилия, которые требует от нас существующая власть, и точно так же и от тех, к которым призывают нас люди, борющиеся с существующей властью для установления новой, и потому должны не повиноваться никакой власти. И должны не повиноваться не потому, что мы знаем, как сложится наша жизнь вследствие нашего прекращения повиновения власти, а потому, что повиновение власти, требующей от нас нарушения закона Бога, есть грех. Это мы несомненно знаем, знаем и то, что оттого, что мы не будем нарушать волю Бога, не будем делать греха, ничего, кроме добра, как для нас, так и для всего мира, выйти не может.

XV.

Люди склонны верить в осуществление самых невероятных событий в мире, верят в возможность летать, общаться с планетами, верят в возможность устройства социалистического общества, в спиритические сообщения и многие другие, явно невозможные вещи, но не хотят верить в то, чтобы то мировоззрение, в котором они со всеми окружающими их людьми живут в данную минуту, могло бы измениться.

А между тем такие изменения, и самые удивительные, совершаются беспрестанно и с нами самими, и с нашими ближними, и с целыми обществами и народами, и эти-то изменения и составляют сущность жизни человечества.

Не говоря о всех тех изменениях в общественном сознании народов, которые происходили в исторические времена, на наших глазах теперь в России совершается с необыкновенной быстротой такое кажущееся поразительным изменение сознания всего народа, которое не проявлялось ничем внешним 2–3 года тому назад. Изменение это,

кажется нам, совершилось вдруг только потому, что происходившая в духовной области подготовка этого изменения была незаметна нам. То же совершается и теперь в недоступной нашему наблюдению духовной области. Если русский народ, два года тому назад считавший невозможным не только неповиновение существующей власти, но даже осуждение ее, теперь не только осуждает власть, но и готовится не повиноваться ей и установить новую власть на место старой, то почему не предположить, что теперь готовится в сознании русского народа еще иное и свойственное ему изменение своего отношения к власти, состоящее в нравственном, религиозном освобождении себя от нее?

Почему такого рода изменение не могло бы совершиться среди всякого и теперь среди русского народа? Почему, вместо того раздраженного, эгоистического настроения взаимной борьбы, страха, ненависти, которое теперь охватило все народы, вместо всей той проповеди лжи, безнравственности, насилия, которая теперь газетами, книгами, речами, делами так напряженно распространяется во всех народах, не могло бы так же охватить все народы и в особенности теперь весь русский народ после пережитых им грехов, страданий и ужаса религиозное, человеческое, разумное любовное настроение, которое открыло бы людям весь ужас подчинения власти, в которой они жили, и всю радостную возможность жизни разумной, любовной, без насилия и власти?

Почему, как теперь, десятилетиями влияний в одном и том же направлении, было подготовлено теперешнее проявление этого направления в революции, не могло быть так же подготовлено сознание возможности и необходимости освобождения себя от греха власти и установления среди людей единения, основанного на взаимном согласии и уважении и на любви человека к человеку?

Лет 15 или 25 тому назад даровитый французский писатель Дюма-сын написал обращенное к Зола письмо, в котором он, человек даровитый, умный, но занятый преимущественно вопросами эстетическими и общественными, уже будучи стариком, высказал между прочим поразительные пророческие слова. Вот уже именно дух Божий веет, где хочет.

«Душа всегда в непереставшем труде, в постоянном развитии и стремлении к свету и истине, – писал он.

До тех пор, пока не получит весь свет и не завоюет всю истину, она будет мучить человека.

И вот она никогда так не занимала, никогда не налагала с такой силой свою власть на человека, как в наше время. Она, так сказать, разлита во всем том воздухе, который вдыхает мир. Те несколько индивидуальных душ, которые отдельно желали общественного перерождения, мало-помалу отыскивали друг друга, сблизились, поняли себя и составили группу, центр притяжения, к которому стремятся теперь другие души с четырех концов света, как летят жаворонки на зеркало; они составили таким образом общую, коллективную душу, с тем, чтобы люди вперед осуществляли сообща, сознательно и неудержимо предстоящее единение и правильный прогресс наций, недавно еще

враждебных друг другу. Эту новую душу я нахожу и узнаю в явлениях, которые кажутся более всего отрицающими ее. Эти вооружения всех народов, эти угрозы, которые делают друг другу их представители, эти возобновления гонений известных народностей, эти враждебности между соотечественниками суть явления дурного вида, но не дурного предзнаменования. Это последние судороги того, что должно исчезнуть. Болезнь в этом случае есть только энергическое усилие организма освободиться от смертоносного начала.

Те, которые воспользовались и надеялись еще долго и всегда пользоваться заблуждениями прошедшего, соединяются с целью помешать всякому изменению. Вследствие этого – эти вооружения, эти угрозы, эти гонения, но, если вы взглянете внимательнее, вы увидите, что все это только внешнее. Все это колоссально, но пусто.

Во всем этом уже нет души: она перешла в иное место. Все эти миллионы вооруженных людей, которые каждый день упражняются в виду всеобщей истребительной войны, не ненавидят уже тех, с которыми они должны сражаться, ни один из их начальников не смеет объявить войны. Что касается до упреков, даже заражающих, которые слышатся снизу, то уже сверху начинает отвечать им признающее их справедливость великое и искреннее страдание.

Взаимное понимание неизбежно наступит в определенное время и более близкое, чем мы полагаем.

Я не знаю, происходит ли это от того, что я скоро уйду из этого мира и что свет, исходящий из-под горизонта, освещающий меня, уже затемняет мне зрение, но я думаю, что наш мир вступает в эпоху осуществления слов: «любите друг друга», без рассуждения о том, кто до сказал эти слова: Бог или человек.

Спиритуалистическое движение, заметное со всех сторон, которым столько самолюбивых и наивных людей думают управлять, будет безусловно человечно. Люди, которые ничего не делают с умеренностью, будут охвачены безумием, бешенством любить друг друга. Это сначала, очевидно, не совершится само собой. Будут недоразумения, может быть, и кровавые: так уж мы воспитаны и приучены ненавидеть друг друга часто теми самыми людьми, которые призваны научить нас любви. Но так как, очевидно, что этот великий закон братства должен когда-нибудь совершиться, я убежден, что наступают времена, в которые мы неудержимо пожелаем, чтобы это совершилось».

Я думаю, что мысль эта, – как ни странно выражение о том, что придет время, когда люди будут охвачены бешенством любви, – мысль эта совершенно справедлива и чувствуется более или менее смутно всеми людьми нашего времени. Не может не прийти время, когда любовь, составляющая основную сущность души, займет в жизни людей то место, которое свойственно ей, и будет главной основой отношений людей между собой.

Время это готовится, время это наступает.

«Мы теперь в предсказанное Христом время, – писал Лахченэ. – От

одного конца земли до другого всё расшаталось. Во всех учреждениях, каких бы то ни было, во всех различных системах, на которых основывалась общественная жизнь народов, нет ничего твердого. Все чувствуют, что всё это скоро должно разрушиться, и в этом также храме не останется камня на камне. Но как разрушение Иерусалима и храма его, из коего удалился Бог живой, предчувствовало и приуготовило сооружение нового града и нового храма, куда по своей воле стекутся люди всех колен и всех народов, – так и из развалин нынешних храмов и городов воздвигнется новый город и храм, предназначенный стать всемирным храмом и общей родиной рода человеческого, до того разъединенного враждебными друг другу учениями, делающими братьев чужими и сеющими среди них безбожное ненавистничество и отвратительные войны. Когда придет тот, знаемый одним Богом, час соединения народов в одном храме и в одном граде, тогда наступит воистину воцарение Христа, окончательное выполнение Его божественной миссии».

То же писал Чанндяг:

«Могущественные силы работают в мире, – писал он. – Никто может остановить их. Признаки этого: новое понимание христианства, новое уважение к человеку, новое чувство братства и одинакового отношения всех людей к Отцу всех. Мы видим это, мы чувствуем это. И перед этим падут все угнетения. Общество, молчаливо проникнутое этим духом, переменяет свою вечную войну на мир. Могущество все захватывающего и кажущегося непобедимым себялюбия уступит этой естественной силе. «На земле мир и в людях благоволение не всегда будет только мечтою».

XVI.

Почему думать, что люди, находящиеся в полной власти Бога, навсегда останутся в том странном заблуждении, что важны и обязательны только законы человеческие, переменчивые, случайные, несправедливые, местные, а не единый вечный, справедливый и общий всем людям закон Бога? Почему думать, что учителя человечества постоянно будут проповедовать, как теперь, что такого закона нет и не может быть, а что есть только или у каждого народа, у каждой секты свои законы обрядовые, религиозные, или законы так называемые научные, законы вещества и воображаемые социологические, ни к чему не обязывающие людей, или еще законы гражданские, которые люди сами могут изменять и устанавливать? Такое заблуждение могло быть временным, но почему думать, что люди, которым открыт один и тот же написанный в их душе закон Бога в учениях браминов, Будды, Лаотзе, Конфуция, Христа, не последуют, наконец, этой единой основе всех законов, дающей им и нравственное удовлетворение и радостную общественную жизнь, а всегда будут следовать той злой и жалкой путанице учений церковных, научных и государственных, отвлекающих их внимание от того, что одно нужно, и направляющих его на то, что не может быть ни на что им нужно, так как не дает никаких доказательств на то, как прожить свою жизнь

каждому отдельному человеку.

Почему думать, что люди будут не переставая нарочно мучить себя, одни стараясь властвовать над другими, другие со злобой и завистью повинуюсь властвующим и выискивая средства стать самим властвующими? Почему предполагать, что прогресс, которым люди будут гордиться, будет всегда в увеличении населения, в сохранении жизни, а не в нравственном совершенствовании жизни, будет всегда в жалких механических изобретениях, благодаря которым люди будут производить всё больше и больше ненужных и вредных, развращающих предметов, а не будет во всё большем и большем единении друг с другом и необходимым для этого единения покорении своих похотей; почему не предположить, что люди будут радоваться и соревновать не богатством, не роскошью, а простотой, умеренностью и добротой друг к другу? Почему не думать, что люди будут видеть прогресс не в том, чтобы всё больше и больше захватывать, а в том, чтобы всё меньше и меньше брать от других, а всё больше и больше давать другим; не в том, чтобы увеличивать свою власть, не в том, чтобы всё успешнее и успешнее воевать, а в том, чтобы всё больше и больше смиряться и всё теснее и теснее общаться – люди с людьми и народы с народами?

Почему, вместо того чтобы представлять себе людей неудержимо отдающимися похоти и размножающимися, как кролики, и для поддержания своих размножающихся поколений устраивающими себе в городах заводы с приготовлениями химической за пищи и живущими среди них без растений и животных, – почему не представить себе людей целомудренных, борющихся с своими похотями, живущих в любовном общении с соседями среди плодородных полей, садов, лесов, с прирученными сытыми друзьями–животными, только с той против теперешнего их состояния разницей, что они не признают землю ничьей отдельной собственностью, ни самих себя принадлежащими какому–либо государству, не платят никому ни податей, ни налогов и не готовятся к войне и ни с кем не воюют, а, напротив, всё больше и больше мирно общаются народы с народами?

И для того чтобы представить себе жизнь людей такую, не нужно ничего выдумывать и в представлении своем изменять или прибавлять к жизни тех земледельческих людей, которых мы все внаем в Китае, России, Индии, Канаде, Алжире, Египте, Австралии.

Для того чтобы представить себе жизнь такую, не нужно представлять себе какое–либо хитрое, мудрое устройство, а нужно только представить себе людей, не признающих никакого иного высшего закона, кроме единого для всех, выраженного одинаково и в браминской, и буддийской, и конфуцианской, и таосийской, и христианской религии закона любви к Богу и ближнему.

И для того чтобы жизнь была такой, не нужно представлять себе людей какими–либо новыми существами – добродетельными ангелами. Люди будут точно такие же, как теперь, со всеми свойственными им слабостями и страстями, будут и грешить, будут, может быть, и ссориться, и прелюбодействовать, и отнимать имущество, и даже убивать, но всё это будет исключением, а не правилом, как теперь. Жизнь их будет совсем другою уже по одному тому, что они не будут признавать добром и

необходимым условием жизни организованное насилие, не будут воспитаны злодеяниями правительств, выдаваемыми за добрые дела.

Жизнь людей будет совсем другою уже по одному тому, что не будет более того препятствия к проповеди и воспитанию в духе добра, любви и покорности воле Бога, которое существует теперь при признании необходимости и законности правительственного насилия, требующего противного закону Бога, требующего выставления преступного и дурного в виде законного и доброго.

Почему не представить себе, что люди своими страданиями будут доведены до того, что опомнятся наконец от того внушения гипноза, от которого они долго страдали, и вспомнят о том, что они сыны и слуги Бога и потому могут и должны повиноваться только Ему и своей совести? И всё это не только не трудно представить себе, но трудно представить себе, чтобы этого не было.

XVII.

«Аще не будете как дети, не ввидете в Царство Божие», относится не только к отдельным людям, ко и к обществам людей. Как человек, испытав все бедствия страстей и соблазнов жизни, сознательно возвращается к простому, любовному ко всем, открытому к добру состоянию, в котором бессознательно бывают дети, возвращается со всем богатством опыта и разума взрослого человека, так точно и общества людей, испытав все бедственные последствия отступления от закона Бога для повиновения человеческой власти и попытки устройства жизни вне земледельческого труда, должны теперь со всем богатством приобретенного во время заблуждения опыта сознательно возвратиться от соблазнов человеческой власти и от попыток основания жизни на промышленной деятельности к временно оставленному ими повиновению высшему закону Бога и к первобытной земледельческой жизни.

Сознательно возвратиться от соблазна человеческой власти к повиновению одной высшей власти Бога – значит признать обязательность для себя всегда и везде вечного закона Бога, одинаково во всех учениях: браминском, буддийском, конфуцианском, таоссийском, христианском, частью магометанском (бабизме), несовместимого с повиновением человеческой власти.

Жить же сознательной земледельческой жизнью – значит признавать земледельческую жизнь не случайным временным условием жизни, а такую жизнь, при которой человеку легче всего исполнять волю Бога и которая поэтому должна быть предпочтена всякой другой жизни.

И для такого возвращения к сознательному повиновению власти и к земледельческой жизни, для такого возвращения на верный путь находятся восточные народы и в том числе и русский народ, в особенно выгодных условиях.

Западным народам, так далеко уже ушедшим по ложному пути видоизменений организации власти с заменой земледельческого труда промышленным, возвращение это трудно и требует великих усилий. Но рано или поздно всё возрастающая раздраженность и непрочность их положения заставит их вернуться к основанной на своем труде, а не на эксплуатации других народов, разумной, истинно-свободной жизни. Как ни заманчивы внешние успехи промышленности и красота лицевой стороны жизни, наиболее проницательные мыслители западных народов уже давно указывают на гибельность их пути и на необходимость обдумать, изменить свое положение, вернуться назад к той земледельческой жизни, которая была начальной формой жизни всех народов и которая предназначена всем людям для возможности разумной и радостной жизни.

Большинству восточных народов, и в том числе и русским людям, для этого не нужно ничего изменять в своей жизни, нужно только остановиться на том ложном пути, на который они только что вступили, и привести в сознание то отрицательное отношение к власти и любовное отношение к земледелию, которое было им всегда свойственно.

Нам, восточным народам, надо быть благодарным судьбе за то, что она поставила нас в такое положение, в котором мы можем воспользоваться примером западных народов, – воспользоваться этим примером не в том смысле, чтобы подражать им, а, напротив, в том смысле, чтобы не повторить их ошибки, не делать того, что они делали, не ходить по тому гибельному пути, с которого уж возвращаются или готовы возвращаться нам навстречу так далеко ушедшие по нем западные народы.

Вот в этой-то остановке шествия по ложному пути и указании возможности и необходимости проложения и указания другого, более легкого, радостного и свойственного человеческой природе пути, чем тот, по которому шли западные народы, в этом главное и великое значение совершающейся теперь в России революции.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

[ВАРИАНТЫ К СТАТЬЕ «О ЗНАЧЕНИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ».]

*№ 1.

«Народъ, какъ и человѣкъ, можетъ ставить главнымъ условіемъ своего блага матеріальное преуспѣяніе, и тогда благоустройство политическое для него дѣло первой важности, и для этого устройства онъ готовъ часто жертвовать своими духовными требованіями, и можетъ народъ, также какъ и человѣкъ, болѣе дорожить своей духовной жизнью, и тогда матеріальное преуспѣяніе и политическое благоустройство, если оно требуетъ отъ него нарушенія духовныхъ требованій, для него настолько не важно, что онъ готовъ нести многія матеріальныя неудобства и тягости, только бы не отступать отъ своихъ духовныхъ требованій, принимая участіе въ политическомъ устройствѣ. Западныя народы принадлежать первому типу, восточные, и въ томъ числѣ русскій, ко второму».

Такова мысль Хомякова, выраженная въ его очень интересной и умной статьѣ: «Самодержавіе, опытъ схематическаго построенія этого понятія». Мысль о томъ, что восточные и западные народы различно относятся къ власти и что восточные народы, въ томъ числѣ и русскій, смотря на власть не какъ на право, а какъ на обязанность, переносятъ и переносятъ такія тяжести и злоупотребленія власти, при которой западные народы возмущаются и свергаютъ власть, совершенно справедлива, но я не думаю, чтобы такое спокойное и болѣе терпѣливое перенесеніе злоупотребленія власти было исключительнымъ свойствомъ восточныхъ и русскаго народовъ и чтобы свойство это было постоянное. Я думаю, что не однимъ восточнымъ народамъ, но всѣмъ народамъ, разумѣя подъ народомъ преобладающее большинство его, состоящее всегда изъ земледѣльцевъ, тѣхъ людей, которые удовлетворяютъ естественнымъ потребностямъ всѣхъ остальныхъ людей, всегда свойственно предпочитать неудобства повиновенія власти участію въ ней, но что это повиновеніе можетъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока выгоды повиновенія больше, чѣмъ невыгоды участія во власти.

* № 2.

<Внутреннее противорѣчіе насильнической власти, состоящее въ томъ, что насильническая власть, допущенная и терпимая народомъ для избавленія себя отъ грѣха насилія, требуетъ отъ людей совершенія грѣховъ насилія, и несогласіе повиновенія власти съ духовными требованіями народа дошло въ наше время для русскаго народа до послѣдней степени.

Русскій народъ могъ подчиняться самодержавной власти для защиты себя отъ Монголовъ, но совсѣмъ другое дѣло подчиняться власти для того, чтобы душить Финляндію, Польшу, Кавказскіе народы или захватывать Манджурію.

Если русскіе люди прежняго полуязыческаго христіанскаго міровоззрѣнія могли съ спокойной совѣстью исполнять всѣ велѣнія власти, какъ разрушеніе Новгорода или казни стрѣльцовъ и т. п., то въ наше время совершавшагося въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ уясненія и очищенія основъ христіанства русскіе люди уже не могутъ съ спокойной совѣстью принимать участіе въ угнетеніи, насиліяхъ и убійствахъ своихъ ближнихъ, требуемыхъ отъ нихъ императорскимъ правительствомъ.

С одной стороны, власть, становясь все хуже и жесточе, все ухудшала и ухудшала положеніе народа и дошла наконецъ въ наше время до полного раззоренія народа, съ другой стороны, духовныя требованія народа, становясь чище, выше, все менѣе и менѣе согласовались съ требованіями власти. И потому отношеніе русскаго народа неизбѣжно должно было измѣниться и въ дѣйствительности совершенно измѣнилось и не можетъ продолжать быть тѣмъ же, чѣмъ было. Противорѣчіе между духовными требованіями русскаго народа и требованіями правительства дошло въ наше время до высшей степени. Въ наше время русскій народъ пришелъ къ тому самому кризису, къ которому давно уже пришли западныя народы.

Но пришелъ русскій народъ къ этому кризису отчасти вслѣдствіи своей восточной терпѣливости, отчасти вслѣдствіи болѣе ранняго, чѣмъ западныя народы, усвоенія христіанскаго духа, отчасти вслѣдствіи удерживавшагося для огромнаго большинства народа земледѣльческаго быта, пришелъ русскій народъ къ этому кризису при совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ разрешился этотъ кризисъ среди западныхъ народовъ.>

* № 3.

Но мало того что народы, свергавшіе существующую власть, пришли къ тому самому, отъ чего они хотѣли избавиться, т. е.

къ необходимости самимъ, лишившись свободы отъ грѣха и досуга заниматься дѣлами управленія, они пришли къ этому въ гораздо болѣе трудныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ они передали власть властвующимъ. Легко и возможно было разрешать насильнической властью вопросы управленія тогда, когда условія жизни одноплеменнаго, однороднаго, географически объединеннаго народа были просты, когда расходы и подати были невелики, когда не было борьбы сословій, когда, главное, не было покоренныхъ и насильственно присоединенныхъ къ другимъ народовъ и, главное, было одно лицо или малое число лицъ, которое хорошо ли, дурно ли, но могло рѣшать возникающіе вопросы управленія.

Теперь же, когда вопросы общественной жизни дошли до величайшей запутанности и сложности, когда уже существуют установившіеся бюджеты государственных расходовъ, требующіе все большаго и большаго обложенія податями, идетъ неперестающая борьба между озлобленнымъ рабочимъ, бѣдствующимъ народомъ и богачами, захватившими земли и монополіи, когда политическія международныя условія требуютъ все большихъ и большихъ вооруженій, когда для народовъ-завоевателей являются вопросы поддержанія неестественныхъ соединеній чуждыхъ народностей подъ одной властью, какъ. для Россіи Польша, Кавказъ, Финляндія и др., для Британіи безчисленное количество чуждыхъ и враждебныхъ народностей отъ Ирландіи до Индіи, а для покоренныхъ народовъ вопросы объ освобожденіи отъ порабощенія, когда всѣ вопросы эти и многіе другіе подлежатъ рѣшенію не одной власти, по своему положенію не заинтересованной въ томъ или иномъ рѣшеніи вопроса, а собранію частныхъ лицъ съ различными и противоположными личными интересами, теперь всѣ вопросы эти представляютъ не только огромныя трудности, но и совершенно неразрѣшимы, какъ мы это видимъ на вопросахъ колоній, тарифовъ, покоренныхъ народностей, негровъ въ Америкѣ, секуляризаціи во Франціи, еврейскаго, Ирландскаго, восточнаго вопросовъ и сотни другихъ, которые служатъ только темой парламентскаго краснорѣчія, но десятками лѣтъ ни на шагъ не подвигаются въ своемъ рѣшеніи.

Главная же трудность участія народа въ управленіи происходитъ отъ того, что люди нашего времени, съ измѣнившимся мировоззрѣніемъ, призваны къ разрѣшенію такихъ вопросовъ, которые поставлены людьми прежняго времени съ совершенно другими взглядами. Людямъ нашего времени, отрицающимъ войну, признающимъ равноправность людей и свободу народа, надо заботиться объ увеличеніи вооруженій, о законахъ, запрещающихъ доступъ дешевыхъ работниковъ въ свое государство, обдумывать средства удержанія въ покорности раздѣленной Польши, покоренныхъ Буровъ, Индусовъ и т. п.

* № 4

При правительственномъ правленіи появляется вездѣ, гдѣ оно было введено, тотъ классъ людей, который называется буржуазіей, т. е. людей, которые подъ покровительствомъ насилия власти самыми разнообразными средствами захватываютъ власть надъ народомъ. Средства эти самыя разнообразныя: в прямое участіе въ правленіи, и землевладѣніе, и судъ, и преподаваніе наукъ, и исполненіе религіозныхъ обрядовъ, и торговля, и театры, и денежные операціи, и медицина, и моды, и адвокатство, и журналистика, и печать, и искусства, и многія другія профессіи служатъ средствомъ[2] освобожденія себя отъ тяжелаго труда выработыванія предметовъ первыхъ потребностей.

* № 5.

Вотъ тутъ то, въ отвѣтахъ на этотъ вопросъ, и проявляется то совершенно вѣрно опредѣленное Хомяковымъ различіе между восточными и западными народами. Восточные народы: Китай, Индія, Персія, Турція, Россія, дорожа больше своимъ досугомъ и внутренней духовной жизнью, чѣмъ внѣшнимъ политическимъ благоустройствомъ, допускали и допускаютъ большую степень злоупотребленій власти, не свергая ее. Народы же западные, дорожа преимущественно матерьяльными благами міра и потому своимъ внѣшнимъ благоустройствомъ, были скорѣе склонны, при дошедшихъ до извѣстной степени злоупотребленій власти, свергать ее и устанавливать новую. Такъ это происходило и въ Римѣ и во всѣхъ наслѣдовавшихъ ему государствахъ.

* № 6.

Но и это мнимое участіе всего народа въ управленіи не измѣнило положенія трудящагося народа. Устройство выборовъ отъ всего народа, отъ трудящихся, далекихъ отъ политическихъ вопросовъ массъ, составляетъ такую трудность, что народное участіе въ этихъ государствахъ служитъ только средствомъ перехода такой же, какъ прежде, власти немногихъ надъ многими съ однихъ лицъ на другихъ. Такъ что въ действительности и въ этихъ государствахъ, во Франціи и Соединенныхъ Штатахъ, народъ, какъ и прежде, находится въ рабствѣ если не у прежнихъ Императоровъ, королей, лордовъ и князей, то у такихъ же немногихъ ловкихъ людей, захватывающихъ власть правительственную или денежную.

* № 7.

Остается одно спасеніе отъ сознанія неизбежнаго приближенія къ гибели, едва ли не болѣе слѣпое, чѣмъ вѣрованія церковныя, въ социализмъ, въ то, что когда то, а можетъ быть очень скоро, какъ-то посредствомъ насилія, а можетъ быть и какъ то само собой установится жизнь, при которой всѣ люди будутъ какъ то, чѣмъ то принуждены отказаться отъ всего того, чѣмъ они живутъ теперь, и всѣ будутъ вмѣстѣ работать все, что имъ нужно, и всѣмъ равно пользоваться.

Но и это вѣрованіе уже начинаетъ разрушаться, и люди видятъ, что все это нужно только затѣмъ, чтобы отводить глаза людей отъ той пропасти, къ которой они неудержимо стремятся

* № 8.

Ноги, переходя въ туловище, становятся все тоньше и тоньше, туловище все тяжелѣе и тяжелѣе. Продолжаться такъ не можетъ. Предѣлъ этого перехода долженъ быть. Туловище должно завалиться, когда нечему будетъ держать его. И люди западнаго міра чувствуютъ его. Но инерція начатаго движенія такъ велика, что они не могутъ остановиться. До времени они практически спасаются отъ сознанія неизбѣжности гибели при продолженіи такой жизни тѣмъ, что, соперничая другъ съ другомъ, все дальше и дальше закидываютъ обманомъ и насиліемъ свои поработительныя сѣти на людей, живущихъ еще разумной, трудовой жизнью во всѣхъ частяхъ свѣта, торговлей, промышленностью, колоніями и теоретически спасаются отъ сознанія безумія своей дѣятельности ученіемъ социализма, обѣщающимъ въ неопредѣленномъ будущемъ великія блага, которыя будутъ достигнуты полнымъ порабощеніемъ человѣка какою то благодѣтельной силой, которая будетъ свободной отъ свойственныхъ всякой власти свойствъ.

Но несмотря на это, люди запада уже начинаютъ видѣть обманчивость этихъ обоихъ средствъ спасенія. Съ одной стороны, предѣлъ захватовъ чужихъ земель уже виденъ. Кромѣ того, колоніи, т. е. рабы, начинаютъ иди возмущаться или переходить на сторону туловища. Съ другой стороны, мыльный пузырь социализма, казавшійся столь величественнымъ среди духовной пустоты жизни, уже лопнулъ, и самые недалновидные люди усматриваютъ его источникъ и неисполнимость и въ случай исполненія вытекающее изъ него ужасающее рабство, подобнаго котораго еще нигдѣ, никогда не испытывали люди.

* № 9.

Но рынки переполнены, предметовъ произведено столько, что ихъ дѣвать некуда, и, что хуже всего, сами потребители – восточные народы Японіи, Китая, Индіи – начинаютъ дѣлать тѣ же самые предметы, такъ что скоро некого будетъ развращать и обманывать, и приготовленія къ войнамъ подѣ влияніемъ угрозы сосѣдей, какъ это и не можетъ быть иначе, все увеличиваются и увеличиваются, и увеличеніе это не можетъ остановиться у западныхъ народовъ, но народы эти такъ отстали отъ

естественной, разумной формы жизни, кормленія себя своими трудами на своей землѣ, такъ привыкли къ безумной, бесполезной, вредной, разслабляющей роскоши, комфорту, что и имъ кажется, что жизнь не можетъ быть другою, какъ та, которую они ведутъ и которая состоитъ въ томъ, чтобы изуродовать ту часть земли, на которой они живутъ, превративъ ее въ адъ, какъ въ Англіи, Бельгіи и другихъ, и какъ можно больше, и какъ можно скорѣе, и какъ можно искуснѣе дѣлать ненужные и вредные предметы роскоши и развращать ими людей еще неиспорченныхъ и живущихъ своими трудами. Но не говоря уже о безнравственности[3] такой жизни, [4] самый этотъ способъ существованія становится очевидно недостаточнымъ: народы восточные, первая Японія, начинаютъ понимать, на чемъ основана эксплуатація ихъ сосѣдей, выучившись дѣлать машины и работать такъ, чтобы востокъ не нуждался болѣе въ товарахъ западныхъ народовъ, и очень скоро выучились строить пушки и корабли и управлять ими такъ, чтобы дать отпоръ силою тѣмъ, которые захотятъ поработить ихъ.

* № 10.

Русскому земледѣльческому народу не нужно ни рынковъ, ни подоходныхъ налоговъ, ни обобществленія труда и фабрикъ, ни захватовъ чужихъ земель, ни свободъ собраній, слова, прессы, нужно только одно – земля и свободный доступъ къ землѣ, то самое, чего не даетъ своимъ представителямъ ни одно представительное правительство.

*№ 11.

Есть люди въ Россіи среди достаточнаго класса, которые полагаютъ, что въ этомъ самомъ состоитъ теперь призваніе России и что лучшее, что могутъ теперь сдѣлать русскіе люди, это то, чтобы устроить у себя въ Россіи то самое правленіе, которое существуетъ теперь въ передовыхъ Европейскихъ государствахъ: сдѣлать сначала революцію съ клубами, рѣчами, убійствами, потомъ парламентъ съ интерпеляціями, адресами, бурными рѣчами и манифестаціями, и тогда будетъ то самое, что долженъ сдѣлать русскій народъ въ настоящую минуту.

Это уже и начали дѣлать. И все это, и революція и парламентъ, – все издалека похоже на европейское, какъ натыканная березка въ Троицынъ день похожи на лѣсъ, но все это безъ кореньевъ, и было бы смѣшно, если бы не было такъ ужасно легкомысленно и глупо въ такую важную минуту для русскаго народа.

* № 12.

Мы, русскіе, находимся совершенно въ другихъ условіяхъ; вся прошедшая исторія наша была другая, и намъ теперь слѣдовать тому, что дѣлается въ Европѣ, все равно, что людямъ, стоящимъ еще на сухомъ берегу, лѣзть въ то болото, въ которомъ по поясъ сидятъ тѣ, которые шли впереди насъ. Не говоря уже о томъ, что можетъ быть много путей помимо того, который ведетъ черезъ болото, и надо искать ихъ, казалось бы, нельзя не остановиться передъ тѣмъ тяжелымъ положеніемъ, въ которомъ находятся Европейскіе народы, и не подумать своими усиліями, а не подражая чужимъ, о томъ, что намъ, поставленнымъ въ такія особенныя условія, свойственно дѣлать. Имѣемъ ли право, видя все то, что дѣлается въ Европѣ, видя тѣ результаты, къ которымъ привела европейскіе народы ихъ деятельность, имѣемъ ли мы право въ такой важный моментъ для жизни русскаго народа избирать дѣятельность, послѣдствія которой уже совершенно очевидны намъ?

* № 13.

<Что же дѣлать русскому народу?

Причина страданій русскаго народа: его обезземеленіе, тяжелыя подати, солдатчина и теперешнія смуты, причина всѣхъ этихъ страданій – власть. Кто удерживаетъ землю за большими собственниками, не работающими на ней? Власть, правительство. Кто отбираетъ людей отъ семей, развращая ихъ и научая убійству, и посылаетъ ихъ на бойню? Кто теперь сажаетъ въ тюрьмы, стрѣляетъ, бьетъ народъ, казнить людей? Все та же власть. Кто среди западныхъ народовъ накладываетъ подати на трудящихся, поддерживаетъ монополіи богачей, удерживаетъ за неработающими право на собственность земли, лишаетъ ея рабочій народъ, содержитъ войска и, развращая ихъ, посылаетъ на грабежи и убійства? Все та же, хотя и иначе организованная власть, чѣмъ у восточныхъ народовъ.>

* № 14.

<Попытки уничтоженія вреда власти посредствомъ распространенія ея

можно сравнить съ попытками скрыть бѣлую нитку просторно нанизанными на ней бусами: можно сдвинуть всѣ бусы вмѣстѣ, и тогда будетъ видна бѣлая часть нитки. Это деспотическая власть. Можно раздвинуть бусы по всей ниткѣ, оставляя промежутки нитки. Это будетъ разнаго рода ограниченная власть. Но какъ не передвигаи бусы, количество непокрытой бусами нитки будетъ всегда одно и то же. То же и съ властью.>

* № 15.

Мы такъ привыкли къ власти и къ повиновенію власти, что не можемъ представить себѣ жизни безъ власти. Говоря о власти, всегда подъ властью подразумѣвали власть насильническую, не дѣлая различія между властью свободно признаваемой, властью духовной, безъ которой никогда не жило и не можетъ жить человѣчество, и властью насильнической, которой люди подчиняются изъ страха страданій или смерти. Власть первая есть власть болѣе разумнаго существа надъ менѣе разумнымъ, признающимъ разумность перваго. Это власть родителей надъ малыми дѣтьми, Христа надъ учениками, всякаго добровольно признаннаго руководителя надъ людьми добровольно подчиняющимися ему. Вторая власть – это власть покорителя, угрожающаго казнями и убійствами за неповиновеніе.

Дѣйствія властвующаго духовно и дѣйствія властвующаго силою совершенно различны: одинъ дѣйствуетъ добротой, разумомъ, другой обратнымъ: жестокостью, насиліемъ, казнями. Отношеніе же повинующагося одно и то же какъ къ первому, такъ и къ второму, повинуются и тому и другому одинаково, исполняютъ то, что ему предписываютъ какъ тотъ, такъ и другой. И вотъ въ этомъ то смѣшеніи той и другой власти источникъ заблужденія о томъ, что люди не могутъ жить безъ насильнической власти. Люди не могутъ жить безъ власти духовной, такой, которой они добровольно подчиняются, но не только могутъ жить безъ власти насильнической, но подчиненіе насильнической власти есть причина не только великихъ бѣдствій, но и всякаго развращенія, которому подвергаются люди.

* № 16.

Но скажутъ: это общія мѣста, скажутъ: что же, по вашему мнѣнію, дѣлать теперь русскому народу?

Постараюсь отвѣтить на этотъ вопросъ, впередъ оговариваясь, что если

мое предположеніе о томъ, что именно долженъ теперь дѣлать русскій народъ, можетъ быть не вѣрно, все таки остается несомнѣннымъ то, что русскій народъ переживаетъ теперь тотъ моментъ, когда ему неизбежно необходимо измѣнить свое отношеніе къ власти, и что это отношеніе можетъ быть измѣнено только въ смысле прекращенія повиновенія какой бы то ни было власти.

Отвечая на вопросъ о томъ, что именно дѣлать теперь русскому народу, я долженъ имѣть въ виду хотя и очень несоразмерный по численности, но имѣющія вліяніе на рѣшеніе народа части его.

Частей этихъ три: первое – правительство, въ которое я включаю всѣхъ тѣхъ людей, которые имѣли и имѣютъ еще власть и всѣхъ богатыхъ и чиновныхъ людей, стоящихъ на стороне правительства, – это государь, высшіе чиновники, богатые дворяне, купцы, консерваторы, отстаивающіе прежнее положеніе.

Вторая часть – это все тѣ богатые цивилизованные люди, борящіеся съ правительствомъ и желающіе заменить существующую власть иною, новою. Это всѣ либералы, революціонеры, социалдемократы, журналисты, педагоги, врачи, техники, рабочіе, развращенные крестьяне.

Третья, самая большая часть, – это земледельцы, крестьяне, народъ, огромное большинство; народъ тотъ, который кормитъ и содержитъ и первыхъ и вторыхъ и которому главнымъ образомъ предстоитъ рѣшеніе вопроса о пути, который долженъ быть избранъ.

Что дѣлать правительству?

Правительству слѣдуетъ понять, что такъ или иначе время его прошло, что не только въ томъ виде, въ которомъ оно теперь, но ни въ какомъ видѣ оно существовать больше не можетъ. И понявъ это, правительство прежде всего должно перестать бороться силою съ тѣми, кто хочетъ свергнуть его. Борьба эта силою теперь, при озлобленіи враговъ правительства и полной свободе печати и его привычке не только увеличивать, но выдумывать всѣ респрессіи, особенно внѣзаконныя, производить только все большее и большее озлобленіе и развращеніе народа. Переставъ бороться силою, правительство должно стараться употребить свою еще до времени существующую власть на то, чтобы исполнить хотя теперь то, что давно ждетъ и требуетъ отъ него весь земледѣльческій русскій народъ, уничтожить старинную несправедливость и грѣхъ земельной собственности и третье – постараться миролюбиво удалиться отъ власти, не давая отрывать ее отъ себя, а отдать ее, и отдать не другимъ, новымъ властителямъ, которые хотятъ захватить ее, а отказаться отъ власти, признавъ незаконность ее. Сдѣлаютъ или не сдѣлаютъ этого правительственные люди, они неизбежно придутъ къ этому же. Только съ той разницей, что, сделавъ это, они придутъ къ тому же безъ борьбы, безъ жестокости убійствъ, неправды, безъ грѣха; не сделавъ этого, придутъ къ тому черезъ великія преступленія и страданія.

Что дѣлать борющимся съ правительствомъ, всѣмъ – отъ членовъ думы до рабочихъ, собирающихся для обсужденія своихъ нуждъ?

Первое – понять, что предстоящая и совершающаяся революція не есть революція, переносящая власть съ однихъ людей на другихъ, а революція, имѣющая предметомъ уничтоженіе всякой насильнической власти. И потому всѣ тѣ изъ революціонеровъ, которые искренно заботятся о благѣ общемъ, а не руководимы тщеславіемъ, корыстью, завистью, злобой, должны бороться по западнымъ образцамъ съ правительствомъ не для того, чтобы образовать новое правительство, а для того, чтобы уничтожить всякую власть человѣка надъ человѣкомъ, должны не устанавливать новые законы, а уничтожать всѣ законы, кромѣ одного вѣчнаго нравственнаго, обязательнаго для всѣхъ людей закона. Это первое. Второе же, вытекающее изъ этого, что должны дѣлать революціонеры, это то, чтобы не возбуждать, какъ они это дѣлаютъ теперь, дурныя чувства народныхъ массъ, не только не убивать, не брани[ться], не лгать, но всѣ силы употреблять на умиротвореніе чувствъ народа. И третье и самое нужное – это то, чтобы, понявъ предстоящую необходимость устройства жизни народа безъ власти, содѣйствовать народу въ выработкѣ новыхъ формъ такой жизни. Только такая можетъ быть плодотворная, а не зловредная революционная дѣятельность.

Что дѣлать народу?

Народу же, всему стомилліонному русскому народу для освобожденія себя отъ грѣха власти и всѣхъ бѣдствій, вытекающихъ изъ этого грѣха, можно и должно дѣлать только одно: не повиноваться власти правительства, не участвовать ни въ какихъ дѣлахъ правительства

[5] и точно также не участвовать въ дѣлахъ людей, борющихся съ правительствомъ, кротко и покорно переносить всѣ насилія, которыя другіе будутъ совершать надъ нимъ, но самому не участвовать ни въ какихъ насиліяхъ ни революціонеровъ, ни правительства: не давать ни своихъ денегъ, ни трудовъ ни тѣмъ, ни другимъ, не повиноваться никакой насильнической власти, а жить тою жизнью, которой они жили и живутъ теперь.

И стоитъ русскому народу въ лицѣ его правительственныхъ лицъ, его революціонеровъ и его сельскаго народа поступить такъ, и онъ получаетъ не только наибольшее доступное его [sic!] благо общественнаго устройства, но и укажетъ тотъ путь, по которому должно и готово итти все человѣчество.

*№ 17.

Отчего же русскій народъ не дѣлаеть того, что такъ естественно должно вытекать изъ его положенія и что такъ свойственно ему, а, напротивъ, теперь, въ то решительное время, которое онъ переживаетъ, не только не поступаетъ такъ, какъ ему свойственно и выгодно, а въ своихъ поверхностныхъ слояхъ, захваченныхъ фабричной, городской жизнью, прислушивается къ развращенному голосу такъ называемыхъ образованныхъ, въ действительности же развращенныхъ людей богатыхъ классовъ, изъ которыхъ одни призываютъ его къ поддержанію стараго правительства, а другіе къ сверженію и установленію новаго, такого же насильническаго, съ такими же податями, таможнями, монополіями, земельной собственностью, наборами и войнами, и не только прислушивается, но начинаетъ уже совершать тѣ бессмысленныя преступленія грабежей, убійствъ и даже междуусобныхъ войнъ, которыя не только ни въ какомъ случае не могутъ освободить его, а навярное должны только увеличить его страданія? Отчего это? А оттого, что въ русскомъ народѣ не проявилось сознаніе своего грѣха, и онъ хочетъ, продолжая творить грѣхъ, освободиться отъ послѣдствій его.

Для того чтобы русскій народъ могъ освободиться отъ тѣхъ бѣдствій, производимыхъ властью, отъ которыхъ онъ страдаетъ, ему нужно не собирать думы или учредительныя собранія, не рубить лѣса, отнимать имущество, жечь, грабить, убивать, а нужно одно – нужно, чтобы то смутно живущее въ немъ религіозное христіанское сознаніе греховности власти и повиновенія ей стало яснымъ и несомнѣннымъ, чтобы онъ понималъ, что повиновеніе какой-бы то ни было человеческой насильственной власти не есть безразличный поступокъ или даже добрый поступокъ, какъ это внушается ему извращеннымъ христіанскимъ ученіемъ, а есть грѣхъ, преступленіе основного закона Бога, требующаго отъ человѣка безусловнаго повиновенія одному Ему, и, понявъ свой грѣхъ, покаялся бы въ немъ и пересталъ творить его.

* № 18.

Для возможности же воздержанія народа отъ той, такъ и отъ другой деятельности нужно, главное, освободиться отъ истиннаго дьявольскаго навожденія, основанія всѣхъ золъ, испытываемыхъ и злыхъ дѣлъ, совершаемыхъ людьми, отъ навожденія государства, государственнаго единства, того понятія, во имя котораго совершались и совершаются и не могутъ не совершаться всѣ злоупотребленія какъ неограниченной, такъ и ограниченной монархической или республиканской, всякой государственной власти.

Стоить только русскимъ людямъ освободиться отъ этого дьявольскаго навожденія государства, Россіи, и начать жить такъ, какъ свойственно разумнымъ существамъ, не подчиняясь никакимъ государственнымъ требованіямъ, не рѣшая свои общественныя дѣла ни передачей ихъ высшему государственному правительству или участіемъ въ этомъ государственномъ правительствѣ, а такъ, какъ они издревле рѣшались и рѣшаются въ Россіи мірской сходкой безъ участія насилія, по общему согласію, и неизбежно сложится тотъ новый строй жизни, до котораго въ наше время дожило человѣчество и который требуетъ своего осуществленія.

* № 19.

Мы такъ привыкли къ этому понятію, наука такъ много наговорила намъ о необходимости для жизни людей существованія государства, о томъ, какъ государство есть единственная форма, въ которой могутъ быть осуществлены право, высшая нравственность, высшее благо, какъ государство есть неизбѣжное явленіе въ жизни людей, и такъ давно уже существуетъ это учрежденіе, что и ученые и неученые люди, живущіе въ государствахъ, вполнѣ увѣрены, что государство есть нѣчто стихійное и что безъ государства жить людямъ невозможно. А между тѣмъ государство есть ничто иное, какъ застарѣлая, утвердившаяся, кристаллизованная форма насилія. Завоеватели покоряютъ народъ. Завоеванные народы Атиллою или Чингисъ Ханомъ не составляютъ государства, но завоеванные Римомъ народы составляютъ государства только потому, что насиліе Атиллы и Чингисъ Хана непродолжительно, насиліе же Рима продолжительно. Всякое государство есть такое же насиліе, какъ и всякое другое; понятіе же государства, приписываемое нѣкоторымъ продолжительнымъ насиліямъ однихъ людей надъ другими, есть только оправданіе насилія. Оправданіе это всегда само собой складывается при продолжительномъ насиліи и происходитъ обыкновенно слѣдующимъ образомъ: люди насилующіе другихъ, особенно же люди окружающіе насильниковъ и пользующіеся отъ нихъ разными выгодами, желая оправдаться, совершая насилія, стараются увѣрить другихъ и себя самихъ, что совершаемое ими насиліе не есть злое, а доброе, полезное дѣло, необходимое для совокупности насилуемыхъ людей, что совокупность эта (которая въ сущности соединяется только насиліемъ) есть нѣчто самобытное и что они, насилующіе другихъ людей, только служатъ этой совокупности, которую они называютъ княжествомъ, царствомъ, королевствомъ, имперіей. Вотъ эта то странная вѣра внушается людьми властвующими и ихъ слугами, въ особенности учеными, и легко воспринимается подвластными, потому что имъ пріятнѣе думать, что они покоряются нѣкому отвлеченному, таинственному и всемогущему существу, называемому государствомъ, а не такимъ же людямъ, какъ они сами.

* № 20.

Разъ существуетъ одно и то же въ людяхъ пониманіе и одни и тѣ же желанія, то препятствіемъ къ осуществленію этихъ желаній могутъ быть только суевѣрія.

Ложныя суевѣрія, представленія, внушенія, теперь удерживающія человечество отъ вступленія на новый путь жизни, суть прежде всего ложное, суеверное церковное ученіе о жестокомъ, мстительномъ Богѣ, установившемъ и покровительствующемъ власть, ложное представленіе о томъ, что соединеніе многихъ людей одной или разныхъ народностей подъ одной властью не есть простое, грубое и жестокое насиліе, а есть нечто великое, необходимое для жизни людей учрежденіе, и третье – внушеніе о томъ, что извѣстныя слова и мысли, записанныя людьми, получаютъ особенно священное значеніе, потому что они называются закономъ.

Стоитъ только людямъ освободиться отъ этихъ суевѣрій, ложныхъ представленій и внушеній, и свойственная во всѣхъ людяхъ одна и та же добрая и разумная природа, приведенная къ сознанію христіанствомъ, проснется въ людяхъ и соединитъ ихъ всѣхъ во единую, согласную жизнь, безъ церкви, безъ насильнической власти и государства.

*№ 21.

Но что же станется съ государствомъ, скажутъ на это? Что станется съ государственными учрежденіями, судебными, просветительными, финансовыми, какимъ образомъ и какія установятся отношенія народовъ къ народамъ? Отвѣтъ на это возраженіе въ томъ, что государство и есть та форма, въ которую преобразилось грубое насиліе, которое есть ужасное суевѣріе, отъ котораго всѣ бѣдствія народовъ и которое совершенно ненужно для людей, признавшихъ грѣхъ власти и освободившихся отъ него. Есть церковь, есть наука, есть право, есть государство и много подобныхъ произведений мысли человеческой, но всѣ эти произведенія мысли не реальны, а представляютъ изъ себя фикціи, признаваемые извѣстными людьми въ известное время, но человѣкъ, живой человѣкъ, не есть фикція, а самое реальное изъ реальнаго, что мы можемъ только знать. И потому, когда интересы фикціи государства сливаются съ интересами самаго реальнаго изъ реальныхъ существъ – человека, не можетъ быть, и вопроса о томъ, что должно уступить чему.

Вы говорите, что существуетъ въ вашемъ представленіи существо нереальное: Россія, Великобританія, Франція, для процвѣтанія, даже для существованія которыхъ необходимо, чтобы человекъ отдалъ заготовленную имъ своими руками для дѣтей пищу, отдалъ бы свою жизнь на войнѣ, что важнѣе всего – пожертвовалъ бы своей вѣрой и совестью, совершая противным и вѣрѣ и совѣсти дѣла: участвовалъ бы въ поборахъ, казняхъ, военныхъ убійствахъ, что это нужно для государства, государство же есть необходимое условіе для людей.

Я же, живое существо, человекъ, говорю, что я знаю наверное, что я явился въ міръ по волѣ Бога, по Его же волѣ долженъ скоро уйти изъ міра и по Его же волѣ, открытой мнѣ и въ высшемъ законѣ и въ моей совѣсти, долженъ прожить въ этомъ мірѣ короткій срокъ моей жизни. О государствѣ же я ничего не знаю, и все, что мнѣ говорятъ о немъ, не убѣждаетъ меня объ его необходимости и справедливости, и потому когда вы требуете отъ меня, чтобы я отдалъ в распоряженіе неизвѣстныхъ мнѣ людей и большей части плохихъ, какъ я знаю, ту пищу, которую я выработалъ своими руками изъ земли для своего и своихъ дѣтей пропитанія, то я говорю, что не дамъ добровольно вамъ этой пищи, считалъ бы себя преступникомъ, если бы далъ вамъ ее. Отнять вы можете, и я не стану насиліемъ бороться съ вами, т. е. дѣлать противъ васъ то, что вы противъ меня дѣлаете. Но добровольно я не дамъ. Точно также не пойду добровольно учиться убивать кого то и воевать съ кѣмъ то, не пойду судить, казнить, потому что все это мнѣ не нужно, а главное, противно божескому закону и моей совести.

Что же касается до государства, то пускай устраиваютъ и поддерживаютъ его тѣ, кому оно нужно, а мнѣ оно не только не нужно, но вредно, предъявляя ко мнѣ жестокія требованія и на моихъ глазахъ развращая людей и земельной собственностью, которую оно поддерживаетъ, и казнями, и поборами, и солдатствомъ, и войной. И ответить на это разсужденіе не могутъ никакіе мудрецы, а отвѣтъ этотъ тотъ именно, который въ наше время должны сдѣлать разумные люди.

* № 22.

Для того чтобы русскому народу достигнуть всѣхъ тѣхъ тѣлесныхъ благъ, которыхъ онъ теперь добивается, ему нужно не грабить, жечь, бунтовать, производить возстанія и не, продолжая повиноваться существующей власти, служить въ полиціи, въ солдатахъ и убійствомъ братьевъ подавлять возстанія, а нужно одно: жить своей обычной мирной, земледѣльческой жизнью, не исполняя волю ни старой, ни новой человеческой власти, а только одну волю того высшаго начала – Бога, который послалъ всякаго человека въ міръ.

Но что станется съ Россіей, если русскіе люди дѣйствительно поступятъ такъ и перестанутъ повиноваться правительству? – скажутъ на это. Поступи такъ русскіе люди, уничтожится власть, уничтожится войско, и тотчасъ отдѣлятся всѣ части русскаго государства: Кавказъ, Польша, Финляндія, Ташкентъ и др. Россія перестанетъ существовать какъ великое государство, а переставъ быть великимъ и сильнымъ государствомъ, оно неизбѣжно подвергнется нападенію сосѣднихъ государствъ, которые и для того, чтобы не имѣть такихъ вредныхъ сосѣдей, и для того, чтобы воспользоваться беззащитностью русскихъ, поработятъ ихъ. Уничтожится великое русское государство, и распадутся всѣ части его.

Но вѣдь государство и есть то самое ужасное суевѣріе, во имя котораго совершаются тѣ злодѣянія, отъ которыхъ страдаютъ люди, и потому уничтоженіе государства и будетъ то самое, что нужно народу для избавленія его отъ давнишняго грѣха подчиненія власти и всѣхъ бѣдствій и развращенія, происшедшихъ отъ него.

* № 23.

Если всѣ покоренные Россіи народы освободятся и отдѣлятся отъ Россіи, то такое освобожденіе народовъ отъ порабоженія, отвѣчу я, можетъ быть только радостно для всякаго человѣка, свободнаго отъ вѣры въ государство: радостно и по сочувствію къ этимъ народамъ и потому, что освобожденіе ихъ снимаетъ съ каждаго русскаго долю отвѣтственности за ихъ порабоженіе.

Что же касается до порабоженія русскихъ людей, если они не будутъ подчиняться власти, Нѣмцами, Турками, Шведами, то людей, не подчиняющихся власти, точно также могутъ постигнуть всякія бѣдствія, какъ и людей покорныхъ власти, какъ это постоянно происходитъ при всякпхъ войнахъ – 12-й годъ – французовъ въ Россіи, 70-й годъ – прусаковъ во Франціи. На практикѣ для неподчиняющихся власти гораздо меньше поводовъ къ насилію и порабоженію, чѣмъ при порабоженіи власти. Опасность та же при повиновеніи и при неповиновеніи; разница только въ томъ, что при неповиновеніи власти труднѣе поработитъ народъ, чѣмъ при повиновеніи.

* № 24.

Христіанскіе народы думали удержатъ вѣру въ христіанство, извративъ

его такъ, чтобы оно не противорѣчило государству, но для согласованія христіанства съ государствомъ нужно было полное извращеніе христіанства. Полное же извращеніе христіанства сдѣлало то, что на мѣсто религіознаго ученія, руководящаго жизнью, стали полуязыческіе обряды, и христіанскіе народы запада, оставшись безъ всякаго нравственно-религіознаго руководства, слѣдуютъ въ жизни только одному признаваемому ими выше всѣхъ другихъ закону государства, прямо противоположному христіанскому ученію. Такому же обману и извращенію подвергся и русскій народъ. И это то извращеніе христіанства и постановка на его мѣсто государственной вѣры и дѣлаетъ то, что русскій народъ въ предстоящемъ ему шагѣ колеблется, а не выбираетъ сразу то простое, естественное и благодѣтельное рѣшеніе, которое само собой представляется ему.

* № 25.

Есть поразительный эпизодъ исторіи павликіанской секты.

Византійскій императоръ или императрица послалъ своего военачальника (не помню Федора или Павла) противъ нарушающихъ единство церкви еретиковъ павликіанцевъ. Военачальникъ прибылъ на мѣсто, распорядился, какъ это было свойственно людямъ того времени, умертвилъ всѣхъ мужчинъ и женщинъ, которые не успѣли разбѣжаться, и сжегъ и истребилъ жилища. Окончивъ порученное ему дѣло, онъ пожелалъ узнать, въ чемъ состояла та секта, сторонниковъ которой онъ истребилъ. Къ нему привели старика павликіанца, и изъ разспросовъ начальникъ убѣдился, что люди, которыхъ онъ перебилъ, были люди самыхъ высокихъ христіанскихъ убѣжденій и жизни. Открытіе это такъ поразило его, что онъ оставилъ свое положеніе вельможи, поселился среди остатковъ павликіанъ и вмѣсто преслѣдователя сталъ главнымъ проповѣдникомъ павликіанства.

Тоже самое совершилось бы въ наше время со всѣми поработителями, но съ той разницей, что въ наше время, при смутномъ сознаніи безсмысленности и преступности насилія, это обращеніе поработителей совершилось бы не послѣ, а до истребленія порабоощаемыхъ.

* № 26.

Можетъ быть, люди нашего поколѣнія такъ привыкли къ борьбѣ, что имъ представляется невозможнымъ такой образъ дѣйствія, можетъ быть, при

такомъ образѣ дѣйствій мы потеряемъ много удобствъ и пріятностей жизни, можетъ быть, если мы будемъ поступать такъ, насъ постигнуть еще новыя бѣдствія, все это можетъ быть, но несомнѣнно одно, что спасеніе отъ бѣдъ, которыя теперь терпятъ люди отъ насилія и которыя все увеличиваются и увеличиваются, только въ одномъ этомъ, въ томъ, чтобы, терпя насиліе, не совершать его. И потому чѣмъ дальше мы откладываемъ это средство, чѣмъ сильнѣе употребляемъ противное ему средство борьбы, тѣмъ все больше и больше мы отдаляемъ отъ себя наше единственное средство избавленія.

* № 27.

То, что совершается теперь не въ одномъ русскомъ народѣ, но во всѣхъ народахъ, то, что выражается и можетъ выразиться въ движеніи, охватившемъ русскихъ людей, не есть дѣло касающееся одного русскаго народа, не есть возстаніе народа противъ своего правительства, которое называется революціей. То, что предстоитъ теперь совершить русскому народу и что начинается совершаться, есть начало перехода жизни всѣхъ народовъ отъ дѣтскаго состоянія въ возмужалое, есть измѣненіе всѣхъ основъ жизни, есть замѣна насилія равнымъ согласіемъ, есть первый шагъ, восхожденіе человѣчества на высшую ступень общественнаго сознанія и вытекающаго изъ него устройства.

Восхожденіе это можетъ быть отсрочено, можетъ быть совершенно не русскимъ, а другимъ народомъ, но оно должно быть, такъ какъ тѣ двѣ причины, которыя должны привести къ этому, – все большее и большее развращеніе власти и все большее и большее сознаніе преступности грѣха подчиненія человѣческой власти – не переставая дѣйствуютъ и должны привести къ этому, къ сознанію грѣха поклоненія государству, къ освобожденію отъ этого поклоненія и къ прекращенію насильнической власти и повиновенія ей.

Если же, какъ я думаю, дѣло это должно быть совершенно теперь и русскимъ народомъ, то измѣненіе этого отношенія къ власти, чтобы совершиться въ дѣлѣ, должно прежде всего совершиться въ сознаніи людей. Люди должны будутъ понять весь грѣхъ, всю преступность, все безуміе отреченія отъ своей воли и вѣчнаго закона Бога, для того чтобы повиноваться людямъ. И какимъ людямъ? большею частью людямъ по нравственнымъ качествамъ стоящимъ гораздо ниже средняго уровня, людямъ, готовымъ на всякія жестокости и несправедливости, которыя неразрывны со всякой насильнической властью.

Для того чтобы развязать грѣхъ, изъ котораго возникъ указанный идолъ государства, людямъ надо вызвать въ себѣ высшее сознаніе закона Бога, единенія и лучшія чувства любви къ людямъ.

Для того чтобы развязать грѣхъ, надо вызывать добрыя чувства въ людяхъ, помогать имъ, кротко увѣщевать заблуждающихся, прощать обижающихъ и, главное, не дѣлать того самаго, отъ чего людямъ надо избавиться, не дѣлать насилія.

И что же теперь вмѣсто этого начинаютъ дѣлать нѣкоторые русскіе люди?

Люди, русскіе люди, по счастью немногіе, еще ненавидятъ другъ друга, возбуждаютъ къ ненависти, лгутъ, клеветуютъ другъ на друга, возбуждаютъ къ злодѣяніямъ, грабятъ, убиваютъ, мучаютъ другъ друга: одни подъ предлогомъ того, что они отстаиваютъ спокойствіе и безопасность людей, другіе подъ предлогомъ устройства такого порядка, который дастъ наибольшее благо всѣмъ. Какое великое дѣло совершилъ бы русскій народъ, если бы онъ въ теперешнее огромной важности для него и для всего человѣчества время понялъ бы свое призваніе и вмѣсто нелѣпой, не только безцѣльной, но губительной борьбы и озлобленія воздержался бы именно теперь отъ всякаго насилія, напротивъ, отвѣчая добромъ на зло, и своей жизнью показали бы людямъ примѣръ возможности спокойной и радостной жизни безъ подчиненія насильнической власти. И русскій народъ можетъ и долженъ это сдѣлать.

Меня спросятъ: но что дѣлать, что именно дѣлать теперь русскому правительству, что дѣлать интеллигенціи и рабочимъ, борящимся съ правительствомъ, что дѣлать народу?

Правительству, если оно хочетъ и можетъ понять свое положеніе и положеніе русскаго народа, можно и должно дѣлать только одно: понять то, что оно было и есть одно изъ главныхъ причинъ, отъ которыхъ страдалъ и страдаетъ народъ, покаяться въ своемъ грѣхѣ, перестать бороться силою съ тѣми, кто хочетъ свергнуть его, а постараться миролюбиво удалиться отъ власти, не давая отрывать ее отъ себя и не отдавая ее тѣмъ новымъ властителямъ, которые хотятъ захватить ее. Сдѣлаютъ или не сдѣлаютъ это правительственные люди, они неизбѣжно придутъ къ этому же. Только съ той разницей, что, сдѣлавъ это, они придутъ къ тому же безъ борьбы, безъ жестокости, безъ междуусобія, безъ грѣха, не сдѣлавъ этого, придутъ къ тому же черезъ великія преступленія и страданія. Тоже почти должно сдѣлать и той интеллигенціи и рабочимъ, которые борются съ правительствомъ.

* № 28.

Невозможно, что [бы] всѣ булочники, слесаря или рудокопы согласились ради своей выгоды устроить стачку и выдержали бы ее, невозможна и всемірная стачка, стачка рабочихъ, потому что выгоды всѣхъ людей

безконечно разнообразны, переплетаются и не общи всѣмъ, но признаніе того, что лучше жить любя людей, чѣмъ ненавидя ихъ, лучше жить въ единеніи и согласіи, чѣмъ въ раздѣленіи и враждѣ, такое признаніе всегда обще всѣмъ людямъ, обще и ихъ разуму и ихъ сердцу. И потому такое единеніе людей въ единомъ желаніи, одномъ рѣшеніи не только возможно, но неизбѣжно необходимо.

Конечно, такого единенія и такого соглашения никогда не будетъ, пока люди будутъ продолжать вѣрить, что все, что было и есть, то и должно быть, что все, что существуетъ, то разумно, а что поэтому, такъ какъ есть государство съ своей насильнической властью, что люди я должны подчиняться ему. Но къ счастью людей существуетъ религіозное пониманіе жизни людей, которое сразу разрушаетъ всѣ тѣ настроенныя надъ свободой людей искусственныя зданія, которыя должны поработить ихъ, и сразу освобождаетъ отъ нихъ людей. И такое религіозное пониманіе жизни, если оно есть въ русскомъ народѣ, и должно показать ему путь къ освобожденію и освободить его.

* № 29.

Казалось бы, какъ просто для русскаго земледѣльческаго народа освободиться отъ власти и всѣхъ сопряженныхъ съ ней бѣдствій тѣмъ, чтобы только перестать признавать ее. Стоитъ только перестать признавать власть и участвовать въ ней, и сразу наступило бы для русскаго земледѣльческаго народа избавленіе отъ всѣхъ бѣдствій власти: отъ податей, лишенія права на землю, отъ военныхъ приготовленій, отъ солдатства и войнъ; казалось бы, какъ легко и какія огромныя выгоды,, а люди не дѣлаютъ этого, потому что сознаніе ихъ не стоитъ на той высоте, при которой люди могутъ не признавать человѣческую власть и не повиноваться ей.

Человѣческая власть такова, что всегда привлекаетъ людей повинующихся ей, для своей выгоды принимать большее или меньшее, прямое или посредствующее участіе въ ней. И потому среди людей, подчиняющихся власти, никогда не можетъ быть и не было и не будетъ всеобщего, одинаковаго отношенія къ власти. Только власть Бога, законъ жизни таковъ, что никто не можетъ принимать участія въ немъ, и всѣ одинаково должны повиноваться ей, и требованія ея для всѣхъ одинаковы. Требованія ея: уваженіе всѣхъ людей ко всѣмъ людямъ, отношеніе къ каждому, какое желаешь чтобы было къ тебѣ, и любовь, всѣхъ людей ко всѣмъ людямъ. Только такое признаніе надъ собой единой, общей всѣмъ власти Бога и Его закона можетъ и должно освободить людей отъ грѣха власти и всѣхъ ея ужасныхъ послѣдствій.

И потому предстоящее въ наше время измѣненіе жизни народовъ можетъ совершиться никакъ не черезъ установленіе такихъ или иныхъ

правленій, не через революціи, не через стачки, интернаціоналы, не через соціалистическое, насиліем вводимое и впередь определенное устройство, не через все большія и большія техническія усовершенствованія, а только через изменение сознанія людей, через соединеніе наибольшаго числа людей въ одномъ общемъ всѣмъ людямъ пониманіи смысла жизни и признаніи высшей обязательности и вытекающихъ изъ него требованій. Только такое соединеніе людей въ одномъ общемъ вѣрованіи можетъ не только избавить людей отъ наносимыхъ имъ самимъ себѣ страданій и открыть передъ ними радостную работу осуществленія высшаго, соответственнаго времени, устройства жизни.

* № 30.

Вопросъ, главное, не въ томъ, могутъ ли жить люди безъ насилія насильниковъ, но въ томъ, какимъ образомъ избавиться отъ насилія. Если бы всѣ люди, положимъ, теперь русскаго народа, всѣ вдругъ рѣшили бы не участвовать въ насиліяхъ правительства, не служить ни въ полиціи, ни въ солдатахъ, ни въ сборщикахъ податей, ни въ таможняхъ и выдержали рѣшеніе, какъ это дѣлается въ успѣсныхъ стачкахъ, то ясно, что народъ избавился бы отъ насилія. Но трудность въ томъ, что не можетъ быть того, чтобы всѣ сразу рѣшили не повиноваться власти и выдержали бы это рѣшеніе. Всегда среди народа найдутся люди, которые или не согласны съ этимъ рѣшеніемъ или такіе, которыхъ нужда заставитъ отказаться отъ рѣшенія, заставить не только повиноваться власти, но и принуждать къ этому другихъ. Вотъ это то соображеніе и заставило людей думать, что освобожденіе отъ власти людей невозможно.

Но люди, разсуждающіе такъ, забываютъ о томъ различіи, которое существуетъ между повиновеніемъ власти, потому что власть признается чѣмъ то необходимымъ, законнымъ, даже священнымъ, и случайнымъ повиновеніемъ, не только не признаваемымъ законнымъ, насилію, но признаваемымъ вреднымъ и незаконнымъ. Итти въ солдаты, судьи, полицейскіе, сборщики податей съ сознаніемъ постыднаго и дурнаго для себя и для другихъ дѣла, только потому что не можешь одолѣть соблазна, – одно дѣло и совсѣмъ другое – считать, что власть необходима и что, участвуя въ ней, я дѣлаю доброе дѣло.

Какъ жизнь отдѣльнаго человѣка, такъ и жизнь общества, измѣняется только тогда, когда совершается измѣненіе въ мысли. Когда же измѣненіе совершилось въ мысли, оно неизбѣжно рано или поздно въ той или иной формѣ совершится и въ жизни.

И вотъ это измѣненіе въ мысли, въ сознаніи русскаго народа совершилось теперь, измѣненіе мысли о томъ значеніи, которое имѣетъ

власть. Хотя и всегда русскій народъ смотрѣлъ на власть какъ на нѣчто недоброе и грѣшное, теперь онъ ходомъ жизни приведенъ къ сознанию того, что власть есть зло не только не необходимое, но неизбѣжно долженствующее быть упразднено, такъ какъ отъ этого основного зла тѣ бѣдствія, до которыхъ дошелъ русскій народъ.

*№ 31.

Разсужденіе это наводитъ на очень важныя и новыя мысли о государствѣ вообще, о происхожденіи и значеніи государства.

«Государство», слово, понятіе государства есть одно изъ тѣхъ словъ и понятій, которыя устанавливаются (невольнo) людьми для оправданія своихъ (большей частью дурныхъ) поступковъ, кажушіяся чѣмъ то очень важнымъ, возвышеннымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ничего реального не представляющихъ. Таковы слова: церковь, наука, искусство, право, и мн. др.

Церковь есть собраніе истинно вѣрующихъ. Таково опредѣленіе. Но въ сущности это есть собраніе считающихъ однихъ себя истинно вѣрующими. Наука есть объективное, достоверное и систематическое знаніе о дѣйствительныхъ явленіяхъ со стороны ихъ закономерности или неизмѣннаго порядка. Таково ученое опредѣленіе; въ сущности это тѣ знанія, которыя извѣстные люди считаютъ истинными и важными.

Искусство есть возвышающее насъ выраженіе идеи красоты. (Я беру самое употребительное опредѣленіе искусства. Въ сущности то, что мы называемъ искусствомъ, есть такіе, доставляющія намъ удовольствіе и развлеченіе дѣйствія и произведенія людей, которыя считаются очень важными нѣкоторыми людьми.)

Право есть совокупность атрибутивныхъ и еще какихъ то нормъ. Въ сущности правомъ мы называемъ то, что по представленію нѣкоторыхъ людей можетъ быть приобрѣтаемо, защищаемо и отстаиваемо насиліемъ, большей частью убійствомъ.

Таково и слово и понятіе «государство». Опредѣляется государство обыкновенно такъ: Государство есть организація осѣдлаго населенія, занимающаго опредѣленную территорію и подчиняющагося одной и той же власти.

Въ сущности же то, что мы называемъ государствомъ, есть ничто иное, какъ насиліе, производимое одними людьми надъ другими.

Всѣ эти понятія – какъ церковь, наука, искусство, право и государство (то самое, о которомъ я говорю теперь), имѣютъ своимъ

основаніемъ желаніе людей оправдать свои, несогласные съ природой человѣка, дурные поступки.

Происхожденіе этихъ понятій очень древнее и каждое изъ нихъ имѣетъ свою исторію. Такъ, понятіе государство появилось еще во времена Платона и Аристотеля.

* № 32.

Знаю я, что существуетъ среди умственно извращенныхъ людей нашего времени, называемыхъ учеными, самое грубое, ни на чемъ не основанное суевѣріе, что все, что теперь дѣлается въ промышленности, всѣ тѣ глупости и гадости, которые выросли изъ давленности насиліемъ массъ народовъ и изъ праздности меньшинства властвующихъ, что все это есть нѣчто прекрасное, какое и должно быть, что въ тѣхъ автомобиляхъ, телеграфахъ, открытіяхъ радіевъ, фотографіяхъ, тунеляхъ, грамофонахъ, миллиардовъ дестей печатной бумаги и т. п. глупостей и гадостей заключается будущность народовъ, что изъ этого всего сдѣлается наконецъ то, что работать будутъ не люди, а водопады и солнце, и все нужное, даже пищу, будутъ дѣлать на большихъ заводахъ, и люди все будутъ размножаться и размножаться и, питаясь химической пищей, будутъ вполне счастливы. Пока же все это совершится, нѣсколько поколѣній людей пускай погибаютъ въ рудникахъ подъ землей и на землѣ въ такомъ воздухѣ и въ такихъ условіяхъ, которые хуже подвемныхъ.

Знаю я и то обыкновенное въ подтвержденіе этихъ странныхъ и недобрыхъ мыслей приводимое разсужденіе о томъ, что всѣ эти выдумки, въ общемъ называемыя цивилизаціей, необходимы для того, чтобы спасти людей отъ гибели, къ которой они неизбѣжно придутъ, все болѣе и болѣе размножаясь; Размноженіе же, по ученію этихъ людей, составляетъ идеаль челоуѣчества. Силогизмъ такой. Люди размножаются, и это хорошо и должно быть. Питаніе, добываемое земледѣліемъ, какъ бы оно не улучшилось, не достанетъ, и потому нужно добывать питаніе химически. Въ такомъ добываніи нѣтъ предѣловъ. Цивилизація ведетъ къ подготовленію средствъ для такого добыванія пищи, и потому цивилизація есть добро.

Но не говоря уже о томъ, что при безпрепятственной добычѣ питанія и непрерывномъ размноженіи придетъ время, когда людямъ не будетъ мѣста даже для того, чтобы стоять на земномъ шарѣ (Мечниковъ же придумаетъ еще средство, чтобы живущіе не умирали), не говоря объ этомъ, почему идеаль челоуѣчества въ размноженіи?

Таковъ можетъ быть идеаль животныхъ, кролика, рыбы, умѣряемыхъ борьбой, но кто же сказалъ, что въ этомъ идеаль челоуѣка?

Идеаль челоуѣка не идеаль кролика – размноженіе, а идеаль челоуѣка – совершенство. Будьте совершенны, какъ Отець Небесный. А совершенство включаетъ цѣломудріе. Источникъ размноженія есть животный эгоизмъ. Источникъ цѣломудрія есть разумъ и отреченіе. Но люди, вѣрующіе въ цивилизацію, не видятъ этого, потому что вѣрятъ не въ Бога, а во власть и выросшую на ней цивилизацію.

Все это я знаю и знаю, что едва ли это столь распространенное и считающееся научнымъ ужасное суевѣріе на много вреднѣе всѣхъ прежнихъ и что возвращеніе людей къ разумной земледѣльческой жизни нетолько уничтожить всѣ тѣ ненужныя, глупыя и вредныя производства, которыми занята теперь ужъ значительная часть челоуѣчества, но уничтожить и тѣхъ праздныхъ людей, которые придумываютъ всѣ эти ненужныя и вредныя изобрѣтенія и оправданія имъ.

Большинство людей, живущихъ сознательной земледѣльческой жизнью, естественно направятъ свои силы въ свободное отъ земледѣльческаго труда время не на прихоти нѣкоторыхъ и не фантазіи будущаго, а на производства нужныхъ предметовъ и для облегченія труда, и для увеличенія земледѣльческаго производства, и для улучшенія и украшенія своей жизни.

* № 33.

Такъ что все, что дѣлаютъ теперь закабаленные люди, вынужденные исполнять волю властителей, какъ то: пушки, крѣпости, храмы, алкогольные напитки, автомобили, телеграфы, фонографы, фотографіи, картины, музеи, тунели, граммофоны, горы печатной бумаги, съ напечатанными на нихъ гадостями, лжами и глупостями, разрывныя бомбы, обсерваторіи – все это, составляя часть цивилизаціи, несомнѣнно благотѣльно и полезно.

Вотъ это то ужасное суевѣріе, распространенное нетолько среди богатыхъ, но среди страдающаго отъ него рабочаго народа, и дѣлаеть то, что люди, живя самой жестокой жизнью, заставляя народные массы работать на себя и поддерживать свою праздную жизнь, не видятъ своего грѣха и вполне увѣрены, какъ всѣ ученые, художники, государственные люди, промышленники, торговцы, что ихъ дѣятельность не есть дѣятельность безнравственная и вредная, а, напротивъ, очень полезная, потому что она подчиняется закону цивилизаціи, посредствомъ которой какъ то само собой со временемъ сдѣлается то, что всѣми тѣми глупостями и гадостями, которыми теперь пользуются нѣкоторые, будутъ пользоваться всѣ люди.

* № 34.

Отъ этого то мнимаго знанія людей того, каково должно быть устройство общества, въ которомъ они живутъ, и полна исторія народовъ самыми ужасными злодѣянiями, отъ этого и совершились и продолжаютъ совершаться сейчасъ въ Кореѣ, Китаѣ, Тибетѣ, Египтѣ ужаснѣйшія преступленія, одни для блага японскаго, другія для блага китайскаго, третьи для блага англійскаго народовъ, и люди, совершающіе и совершавшіе эти преступленія, не только не стыдятся ихъ, но гордятся ими.

Отъ этого же и совершаютъ теперь для блага русскаго народа по всему пространству русскаго государства такъ называемые образованные люди тѣ ужасныя преступленія, превосходящія своей бессмысленностью и своей жестокостью все, что могутъ сдѣлать самые бѣшеные люди или самые дикіе, кровожадные звѣри. Одни совершаютъ эти преступленія для того, чтобы русскіе люди были вполне счастливы, получивъ конституцію, другіе для того, чтобы они были счастливыми гражданами демократической республики, третьи для того, чтобы осуществилось социалистическое устройство, четвертые для того, чтобы русскіе могли продолжать благоденствовать, оставаясь въ томъ же положеніи, въ которомъ были.

* № 35.

Часто люди хотятъ, чтобы будущая жизнь была такая же, какой была прошедшая, или чтобы она была такую, какая она была, и не дѣлается такую, какую одинъ человѣкъ или нѣсколько человѣкъ воображаютъ себѣ, а дѣлается такой, какую дѣлаютъ ее всѣ милліарды до безконечности разнообразныхъ людей, которые жили прежде, и тѣ милліоны людей съ своими разнообразными взглядами и чувствами, которые живутъ теперь. Мы можемъ знать одно – что жизнь никогда не можетъ остановиться и что она въ будущемъ будетъ не такой, какой она была, а непременно будетъ другая. Какъ ребенокъ будетъ совсѣмъ другое существо, когда будетъ мужемъ или старикомъ, такъ и общество людей. Но какъ мы не можемъ знать, какимъ мужемъ будетъ тотъ ребенокъ, котораго мы наблюдаемъ, такъ точно и тѣмъ болѣе мы не можемъ знать этого о цѣломъ обществѣ людей. И какъ главный вредъ воспитанія въ томъ, что мы хотимъ сдѣлать изъ ребенка такого человѣка, какого мы воображаемъ себѣ, такъ точно и главный вредъ общественныхъ дѣятелей и ихъ теорій въ томъ, что люди хотятъ сдѣлать общество такимъ, какимъ они себѣ воображаютъ его. Одно, что мы можемъ знать о живомъ человѣкѣ, такъ и

о живомъ обществѣ, это то, чѣмъ не долженъ быть человѣкъ и чѣмъ не должно быть общество.

И это мы знаемъ относительно русскаго общества. Что оно не должно продолжать быть тѣмъ мертвымъ, развращающимся отъ деспотической власти обществомъ, какимъ оно было до сихъ поръ, и не должно сдѣлаться такимъ, какими стали общества западныхъ народовъ, это мы вѣрно знаемъ. Какимъ же оно будетъ, мы не знаемъ, не можемъ знать, потому что жизнь и ея благо состоятъ въ томъ, чтобы вступить изъ прежняго состоянія въ новое.

* № 36.

Какіе то люди требуютъ отъ меня, чтобы я не смѣлъ обмѣниваться съ сосѣдями своими произведеніями и отдавалъ имъ часть своего труда, требуютъ отъ меня, чтобы я участвовалъ въ какихъ то выборахъ, требуютъ, чтобы я признавалъ какую то власть надъ собой, признавалъ какіе то долги, которые кто-то для меня сдѣлалъ и которые я долженъ выплачивать, требуютъ самага для меня невозможнаго – чтобы я принималъ участіе деньгами или личной службой въ какихъ то дракахъ, убійствахъ и приготовленіяхъ къ нимъ. Вѣдь если я только опомнился, то требованія эти могутъ показаться мнѣ только смѣшными, вродѣ того, какъ еслибы кто-нибудь велѣлъ мнѣ ходить на четверинкахъ или бить палкой по головѣ всѣхъ моихъ знакомыхъ. Требованія эти нелѣпы, такъ противны разуму и человѣческой природѣ, что опомнившемуся человѣку нельзя серьезно говорить про нихъ. «Зачѣмъ я буду дѣлать все это? Дѣлайте тѣ, кому это нужно, а мнѣ все это не нужно, не могу дѣлать этого, – скажетъ всякій опомнившійся человѣкъ. – Вы говорите, что если я не буду дѣлать этого, вы посадите меня въ тюрьму или убьете. Но кто же будетъ сажать меня, если люди услышатъ и поймутъ то, почему я не могу исполнить вашихъ требований? Вы не можете сажать въ тюрьмы и казнить всѣхъ людей, разсуждающихъ здраво, потому что здравый смыслъ свойство всѣхъ людей. И если вы можете, то дѣлайте что хотите надо мной, но самъ я себя и своихъ братьевъ не хочу и не могу развращать и мучать».

Страница черновой рукописи (№ 8) статьи „О значении русской революции“.

Размер подлинника

* № 37.

<«Давайте подати», скажутъ вамъ. «Не могу, – скажете вы. – На общее дѣло, на плотину, на запасный хлѣбъ, на школу, на больницу, на дорогу я дамъ по соглашенію, но дать деньги людямъ, которые живутъ налогами на таможи, на тюрьмы, на оружіе, на солдатъ – не могу. Мнѣ Богъ не велить». «Иди въ солдаты». «Не могу. Войско, война противна Богу, не могу нарушить законы». «Не смѣй пахать эту землю, а признавай ее царской или княжеской или купеческой». «Не могу. Богъ послалъ меня въ міръ и далъ всѣмъ намъ землю. Не могу признать закона, противнаго Богу». Такъ должны вы отвѣчать, если потребуютъ отъ васъ податей, позовутъ въ солдаты, не дадутъ земли. Если же за подати возьмутъ корову, отдать ее, если за то, что не пойдете въ солдаты, посадятъ въ тюрьму, терпѣть, если не дадутъ пахать земли – не спорить. Только поступайте такъ, и не будетъ податей, и не будетъ солдатчины, и земля будетъ вся общая.

Только поступайте такъ, русскіе земледѣльческіе люди, и вы получите все, что желаете, и исполните законъ Бога, и откроете себѣ и людямъ новый путь жизни.>

* № 38.

XVII.

«Все это общія разсужденія. Но дѣлать, что дѣлать теперь людямъ вообще? Что дѣлать теперь русскимъ людямъ?»

Что дѣлать людямъ? Что дѣлать разумнымъ существамъ послѣ вѣчности несуществованія или несознаваемого существованія явившимся въ міръ и всякую минуту и во всякомъ случаѣ очень скоро долженствующимъ исчезнуть? Что дѣлать намъ, разумнымъ существамъ, живущимъ среди такихъ же существъ, спрашиваютъ люди, какъ будто мы только одни первые люди явились въ міръ и первые задаемъ себѣ вопросъ о томъ, что намъ дѣлать. Но вѣдь мы не только не первые, не только не одни, но мы изъ милльардовъ и милльардовъ прежде насъ жившихъ существъ и милльоновъ и милльоновъ живущихъ теперь съ нами въ одно время и задававшихъ и задающихъ себѣ тѣ же вопросы и отвѣчавшихъ и отвѣчающихъ на нихъ. И отвѣтъ этотъ давно открытъ и извѣстенъ людямъ. Отвѣтъ простой, короткій, ясный и несомнѣнный: исполнять тотъ законъ, который поставила намъ та сила, которая произвела насъ.

Законъ этотъ вездѣ, во всѣхъ выраженіяхъ мудрости людской, во всѣхъ

вѣрахъ отъ Браминизма до Магометанства и во всѣхъ сердцахъ всѣхъ людей въ одномъ: законъ этотъ въ справедливости, въ добротѣ, въ любви или по крайней мѣрѣ въ недѣланіи другимъ того, чего не хочешь чтобы тебѣ дѣлали. Законъ этотъ общій всѣмъ народамъ: Японцамъ и Русскимъ, Италіанцамъ и Индусамъ, Норвежцамъ и Кафрамъ, общій и всѣмъ положеніямъ: и императору, и королю, и пастуху, и сапожнику. И исполненіе этого закона одинаково даетъ благо и Японцу, и Италіанцу, и Англичанину, и Кафру, и царю, и сапожнику и даетъ благо не въ будущемъ, и гдѣ то, и можетъ быть, а сейчасъ, и здѣсь, и навѣрное. И нарушеніе закона не гдѣ нибудь и не когда нибудь, а тоже сейчасъ, здѣсь причиняетъ страданіе. Все это несомнѣнно, и мы всѣ знаемъ это.

Вотъ этотъ то законъ опредѣляетъ дѣятельность всѣхъ людей вездѣ и всегда, опредѣляетъ и деятельность русскихъ людей теперь въ Россіи, все равно къ какому бы они ни принадлежали кругу людей – къ правительственнымъ лицамъ, отъ царя до городского, къ революціонерамъ, отъ террориста до либерала, къ рабочимъ, отъ типографщика до земледѣльца.

Что дѣлаютъ правительственные люди и что имъ должно дѣлать? Во имя удержанія того устройства общества, которое было до сихъ поръ и которое очевидно пережито людьми, люди эти борются съ разрушителями этого устройства, борются съ ними тѣми же ужасными, противными закону Бога средствами, которыя они употребляютъ противъ нихъ: ловятъ людей, какъ звѣрей, запираютъ, казнятъ, убиваютъ и дѣлаютъ все это, зная, что люди эти такіе же, какъ они, только думающіе иначе, воспитанные, приведенные къ своимъ взглядамъ также неизбѣжно, какъ эти приведены къ своимъ. Все это сыновья, мужья, братья, друзья, отцы, и вы, не жалѣя ихъ, ссылаете, запираете, казните, а если и жалѣете, то говорите: «что же дѣлать, это одно средство образумить ихъ, спасти другихъ, спасти Россію». Но, во-первыхъ, вы сами знаете и на опытѣ видите, что всѣ ваши казни, убійства не усмиряютъ, не утишаютъ, а только все больше и больше озлобляютъ, заражаютъ вашихъ враговъ той же

[6] жестокостью, съ которой вы поступаете съ ними. Это одно.

Второе: вы говорите, что вы это дѣлаете для блага Россіи, для блага многихъ людей. Но кто же объявилъ вамъ, когда вы рожались, и росли, и шалили, и грѣшили, какъ дѣти и юноши, кто сказалъ вамъ, что вы избраны руководителями народа, что вы призваны исправлять людей, спасти Россію?

[7] Вамъ говорили это люди, которымъ это выгодно, – льстецы, угодники, но въ глубинѣ души вы знаете, что никто не поручаль и не могъ поручить вамъ дѣло Россіи, миллионъ людей. Вы знаете, если заглянете въ свою душу, что поручено вамъ только одно и не малое дѣло[8] – ваша душа.

Она навѣрное поручена вамъ и ее только вамъ надо соблюсти, а ее то вы и губите, воображая, что призваны дѣлать дѣло, которое вамъ и не нужно и которое вы не можете дѣлать, а стараясь дѣлать которое, вы губите и дѣло, за которое беретесь, и свою душу.

Что же вамъ дѣлать? Прежде всего перестать дѣлать то злое дѣло, которое вы дѣлали и дѣлаете, силою борясь съ людьми и вызывая въ нихъ борьбу и злобу. Прежде всего отказаться отъ власти – причины всего зла, причины той борьбы, которая поднялась противъ васъ, отказаться отъ власти и всѣхъ тѣхъ преимуществъ, которыя связаны съ ней.

Знаю, что это вамъ кажется труднымъ и даже невозможнымъ.

[9] Но положеніе теперь такое, что, какъ ни трудно это кажется, это всетаки и лучше и легче того, что, очень можетъ быть, ожидаетъ васъ[10] (вспомните Французскую революцію)[11] и въ духовномъ отношеніи. Вспомните знаменательныя слова Бисмарка, сказанныя передъ смертью:

Вып[исать] Бисм[арка].

Такъ, мнѣ кажется, должны бы думать правительственные люди.

Что дѣлать вамъ, интеллигенціи, тѣмъ, которые боретесь теперь съ правительствомъ, думая каждый по своему устроить судьбу 140 миллионъ русскаго народа? Что дѣлать вамъ – либераламъ, конституціоналистамъ, революціонерамъ всякихъ оттѣнковъ?

Прежде всего очнуться отъ того дурмана самолюбія, легкомыслія и внушенія, въ которомъ вы находитесь. Еще понятно, какъ полудѣти студенты, гимназисты, рабочіе, курсистки, не понимая значенія всего того, что они дѣлаютъ, въ увлеченіи спорта суетятся, печатаютъ, раскидываютъ прокламаціи, чинятъ и раскидываютъ бомбы и съ пѣснями и флагами ходятъ по улицамъ. Молодая энергія ищетъ выхода и, дурно направленная, дѣлаетъ дурныя дѣла, не понимая всего ихъ значенія. Молодежь эта жалка по тому заблужденію, въ которое она заведена почти съ дѣтства дурными книгами, примѣрами, жалка и по той бесполезной тратѣ силъ, которая происходитъ въ нихъ. Но вы, сѣдые либералы, конституціоналисты всѣхъ сортовъ, революціонеры, социалисты, – неужели, если вы искренно ищете блага народа, какъ вы

говорите, вы не видите того, что вы не знаете, не можете знать того, что нужно народу, не имѣете никакого права утверждать, что вы знаете это, и тѣмъ болѣе права совершать преступленія, убійства или подстрекательства къ убійству и, главное, развращенія жалкой вѣрящей вамъ молодежи ради того, что вамъ кажется съ тѣми десятками заблудшихъ, оторванныхъ отъ жизни людей, которые составляюсъ ваши партіи? Вѣдь вы знаете, что всѣ вы несогласны между собой, и всѣ, каждая партія по своему, выражаетъ мнимыя желанія народа. Главное же, если вы оглянетесь на себя, вы не можете не видѣть того, что вы живете трудомъ этого самаго народа, который вы хотите благодетельствовать, живете или землями, отнятыми у него, или жалованіями, собранными съ него же, или доходами съ фабрикъ, на которыхъ отбираются труды этого же народа. И потому самое первое, что вы должны и можете сдѣлать для народа, если вы точно желаете его блага, – это то, чтобы слѣзть съ него, стать рядомъ съ нимъ. Только этимъ вы можете доказать искренность своего желанія. Но вы говорите, что ваша жизнь на трудахъ народа только временная, что если вы пользуетесь большими удобствами жизни, чѣмъ онъ, то это только покамѣстъ, но что вы сдѣлаете то, что доведете его до себя, сдѣлаете то, что онъ будетъ имѣть тоже, что и вы. Не проще ли вамъ опуститься до него и имѣть тоже, что онъ? Тогда вамъ удобнѣе будетъ говорить съ нимъ, онъ повѣритъ и пойметъ васъ. Вы говорите, что вы желаете просветить его. Чѣмъ же вы, большинство изъ васъ, не признающихъ ни Бога, ни духовнаго міра, вѣрующіе въ матеріалистическіе законы животной борьбы за существованіе, можете просветить его? Раздразнить, раздражить его, подвергнуть его не только карамъ правительства, тюрьмамъ, побоямъ, казнямъ, но духовному развращенію – это вы можете, но у васъ нѣтъ того свѣта, которымъ бы вы могли просвѣтить его.

Опомнитесь. То зло, которое вы производите теперь, и матеріальное и, главное, духовное, развращающее народъ, ужасно и не имѣетъ никакого оправданія, кромѣ вашего самолюбія и легкомыслія. Вы не имѣете достаточно жестокихъ словъ, чтобы обвинить правительственныхъ, борющихся съ вами людей, но вѣдь эти люди, хотя и ложно, отстаиваютъ то, что давно существуетъ и было признано всѣмъ народомъ и признается еще большей частью его. Вы же хотите измѣненій вамъ же самимъ неясныхъ, большей частью взятыхъ изъ примѣра европейскихъ государствъ и не примѣнимыхъ къ Россіи, и во имя ихъ дѣлаете междуусобія, убиваете, мутите, развращаете народъ.

Не учить вамъ народъ, не устраивать его судьбу, а

[12] сознать свое заблужденіе, смириться, покаяться и постараться выработать себѣ нравственный основы жизни, безъ которыхъ не жило и не можетъ жить человечество. [13]

Поймите, что не учить другихъ, не конспирировать и мучать себя и другихъ вамъ нужно, а нужно опомниться и перестать дѣлать то, что вы дѣлаете. Однимъ этимъ воздержаніемъ отъ вредной дѣятельности вы сдѣлаете все, что отъ васъ нужно народу, т. е. оставите его въ покоѣ въ ту важную минуту, которую онъ переживаетъ. Поймите, что зло борьбы, которое затѣяли вы и ваши руководители, не только не полезно народу, но оно то и мѣшаетъ болѣе всего тому единственному средству освобожденія отъ зла посредствомъ неучастія во власти, которое предстоитъ теперь всѣмъ народамъ и которое можетъ начаться въ русскомъ народѣ.

Если же вы, въ особенности молодые, искренніе, обманутые люди, точно хотите служить народу, то прежде всего бросьте исключительное, отличающееся отъ рабочаго народа положеніе и подите къ нему, соединитесь съ нимъ и, если ему это будетъ нужно и вы съумѣете это сдѣлать, помогите ему въ томъ, чтобы, не возбуждая его къ борьбѣ, разобраться въ вопросѣ распредѣленія земли, помогите ему, если можете, въ указаніяхъ наилучшей обработки этой земли, что вы можете сдѣлать, благодаря своему книжному обученію.

[14]

Таково положеніе людей, какъ правительственныхъ, такъ и не правительственныхъ, борющихся съ властью и старающихся измѣнить ее.

Людымъ этимъ, какъ тѣмъ, такъ и другимъ, надо измѣнить все свое положеніе и всю свою дѣятельность. Но не то для народа, для огромнаго большинства русскаго земледѣльческаго народа, переживающаго теперь время великой важности и значенія. Людымъ 100 миллионнаго земледѣльческаго народа русскаго надо не только не измѣнять своего положенія и свою дѣятельность, а, напротивъ, ничего не измѣняя, продолжать жить такъ, какъ онъ и жилъ до сихъ поръ, — мирной земледѣльческой жизнью, ничего не предпринимая, только воздерживаясь отъ грѣха борьбы съ насильнической властью, а также и участія въ ней.

«Ищите Царствія Божія и правды Его, и остальное приложится вамъ».

Вы, земледѣльческій русскій народъ, сотни лѣтъ ради своего спокойствія и личныхъ выгодъ повиновались правительству и принимали участіе въ насильнической власти, и у васъ отняли землю, васъ задавили податями, поработили такъ, что вы лишились всего и стали рабами чуждыхъ и неизвѣстныхъ вамъ людей, называемыхъ правительствомъ, которые, когда вздумаютъ, забираютъ васъ и вашихъ сыновей въ солдаты и посылаютъ на ненужную погибель въ Турцію,

Китай, Японію.

Правительственные люди уговаривают вась продолжать повиноваться имь, обѣщая вамь улучшить ваше положеніе и угрожая тѣмь, что прекращеніе повиновенія ввергнетъ вась въ худшія бѣдствія.

Революціонеры приглашаютъ вась къ борьбѣ съ старой насильнической властью и обещають вамь избавить вась отъ всѣхъ вашихъ бѣдствій. Но вѣдь борьба съ старымъ правительствомъ значитъ участіе въ новомъ правительствѣ, значитъ участіе въ новомъ, еще болѣе сильномъ грѣхѣ, участіе въ дѣлахъ насилія новой власти: въ грабежахъ, убійствахъ, междуусобіяхъ. Участіе въ дѣлахъ старыхъ правительствъ привело вась къ вашимъ бѣдствіямъ. Къ тому же приведетъ вась и участіе въ еще худшихъ насиліяхъ, къ которымъ призываютъ вась революціонеры. Отъ насилія ничего не можетъ быть кроме насилія. И потому всякое участіе въ старомъ ли, новомъ ли насиліи можетъ только все больше и больше поработить вась.

Что же дѣлать? Одно: забыть о человѣческомъ законѣ и вспомнить о законѣ Бога.

Только вспомни и признай, русскіе земледѣльческіе люди, въ теперешнее трудное время законъ Бога, запрещающій всякое насиліе и всякое участіе въ немъ, только воздержись, большинство русскихъ земледѣльческихъ людей, во имя этого закона отъ всякаго насилія и всякаго участія въ насиліи какъ стараго правительства, такъ и въ борьбѣ съ нимъ, и избавитесь отъ всѣхъ бѣдствій и получите еще и все то, чего только можете желать для своего личнаго блага: получите и землю, которую некому будетъ отнимать отъ вась, освободитесь отъ давящихъ вась податей, освободитесь и отъ развращенія и отъ бѣдственности, потому что некому будетъ ни собирать подати, ни забирать людей въ солдаты.

Только не дѣлайте грѣха участія во власти, живите по прежнему мирной земледѣльческой жизнью, ничего не предпринимая, только исполняя законъ Бога, не борясь съ властью и не участвуя въ ней, — и вы не только получите все, чего желаете, но исполните свое назначеніе и откроете себѣ и другимъ людямъ новый, предназначенный всѣмъ людямъ Богомъ путь жизни.

Комментарии Н. К. Гудзия

Приводимые в комментариях цитаты из неопубликованных дневников и записных книжек Толстого извлекаются из автографов, хранящихся в Архиве Толстого во Всесоюзной библиотеке имени Ленина и в

Государственном Толстовском музее. Выдержки из неопубликованных писем Толстого и к Толстому извлекаются также из автографов, хранящихся в различных рукописных собраниях. Сокращенные ссылки, делаемые при этом, как и в других случаях, означают: АТБ – Архив Толстого во Всесоюзной библиотеке им. Ленина, АЧ – Архив В. Г. Черткова, хранящийся в Государственном Толстовском музее и частично у В. Г. Черткова, ГТМ – Государственный Толстовский музей, ИРЛИ – Институт русской литературы Академии наук СССР.

«О ЗНАЧЕНИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ».

Статья «О значении русской революции» вызвана была прочтением Толстым статьи Д. А. Хомякова «Самодержавие, опыт систематического построения этого понятия», напечатанной впервые в Риме в 1899 г. в качестве приложения к сочинениям А. С. Хомякова и переизданной в России в 1905 г. 6 февраля 1906 г. Толстой записывает в Дневник: «Читал вчера или третьего дня прекрасную брошюру Д. Хомякова. Всё хорошо. Горе в том, что он считает христианство и православие равнозначущими и к духовным требованиям жизни причисляет быт. Это уже совсем неверно и явный софизм. По атому случаю и надо записать». Далее излагается и критикуется точка зрения Хомякова на отношение западных и восточных народов к власти. В записи Дневника от 10 февраля Толстой излагает свои мысли о существе и природе власти.

В течение ближайшего месяца работа над статьей подвинулась вперед очень мало. 7-м марта датирована вторая исправленная копия дневниковых записей (см. рукопись, описанную под №3). Наличие этой даты указывает на то, что 7 марта Толстой счел свою работу над статьей законченной. Следующая сохранившаяся дата – 16 марта (см. рукопись № 5) – также свидетельствует о том, что этого числа работа считалась приведенной к концу. 9 марта Толстой заносит в Дневник: „Только поправлял заметку о правительстве, о власти. Заглавие надо так: «Из дневника. О возникновении и самоуничтожении власти»“. В одной из ближайших копий название «Из дневника» Толстым зачеркнуто и вместо него статье дается новое – «Освобождение», которое вскоре, в свою очередь, заменяется заглавием «Две дороги». 17 апреля Толстой записывает в Дневник. «Всё вожусь с «Две дороги». Плохо подвигаюсь. Но важность предмета всё больше и больше выясняется и привлекает к себе внимание». В дальнейшем в связи с работой над «Двумя дорогами» в Дневнике читаем следующие записи. 30 апреля: «Немного работал над «Две дороги» и ясно вижу всё последующее, но не имею сил записать». 29 мая: „Всё копаюсь над «Двумя дорогами»“. 6 июня: «Как будто подвигаются две дороги». 3 июля: „Урывками работал «Две дороги»“. В письме к В. В. Стасову от 20 июня Толстой пишет: «Совершающиеся события очень интересны, но я, как старик, и по моим занятиям, вижу эту волну на очень большом пространстве, и потому она мне не кажется такой значительной, как она кажется тем, кто видит ее одну. Мне кажется даже, что я вижу в ней кое-что такое, чего другие не видят в ней, и это очень занимает меня, и я пишу об этом».

[15] В письме к Г. А. Русанову от 23 июня он пишет: «Сосредоточиваю все силы на утреннюю работу... Работа же, которой я занят, очень, очень увлекает меня. Как всегда, кажется, что имею сказать кое-что новое и нужное». [16] Об этой работе над «Двумя дорогами» и о том, что работа захватывает его, Толстой пишет и в письмах от 27 июня В. Г. Черткову (АЧ) и П. И. Бирюкову (АТБ). В обоих случаях разумеется работа над «Двумя дорогами». Дата 20 июля, которую находим среди материалов, описанных под № 5, указывает, что в этот день Толстой работу над статьей считал оконченной. Затем дата окончания статьи была переделана на 28 июля (см. рукопись, описанную под № 8). 30 июля в Дневник заносится такая запись: „Думаю, что кончил статью «Две дороги» и кажется, что недурно. Даже был очень доволен, как Фет «Двумя Липками»“. [17] Однако 15 августа Толстой пишет Черткову, имея в виду эту статью: «Статью все переделываю, прибавляю. Очень уж интересно мне и кажется ново и важно» (АЧ). К 23 августа были закончены шестнадцать глав статьи, которая получила новое заглавие «Значение русской революции». Судя по тому, что вслед за шестнадцатой главой была проставлена дата и сделана собственноручная подпись (см. рукопись, описанную под № 6), на этой главе работа должна была закончиться. Но вскоре Толстой взялся за писание заключения к статье. Как видно из описания рукописи № 7, в это заключение Толстой намеревался ввести ранее написанную им статью «Обращение к русским людям – к правительству, революционерам и народу», вопрос о печатании которой в качестве самостоятельного произведения тогда еще не был окончательно решен. Еще раньше, как показывает знакомство с рукописным материалом, описанным под № 5, Толстой намеревался ввести это обращение в девятую главу. Но затем мысль о включении «Обращения» в статью «О значении русской революции» была Толстым оставлена, и им написано новое заключение, обозначенное им как глава семнадцатая (см. рукописи, описанные под № № 8–10). Вслед затем семнадцатая глава была радикально переделана и соединена с ранее написанными шестнадцатью главами. В результате получился текст статьи, близкий к окончательной редакции и датированный 3 сентября (см. рукопись, описанную под № 13). В этом тексте сделаны были стилистические преимущественно поправки, предложенные Д. П. Маковицким, о чем Маковицкий говорит в неопубликованной части своих «Яснополянских записок» под 14 сентября 1906 г.: «Я предложил Льву Николаевичу 9 поправок в статью «О значении русской революции». Он согласился со всеми, внес их и поблагодарил меня».

15 сентября Толстой записывает в Дневник о том, что кончил статью «О значении русской революции». После того, как статья была закончена, Толстой взялся за писание нового заключения к ней, которое впоследствии было обозначено как восемнадцатая глава. Но это заключение, будучи радикально переработано и слившись с «Послесловием», написанным к статье в связи с разговором с двумя революционерами и крестьянином из соседнего села, образовало отдельную статью, напечатанную под заглавием «Что же

делать?» (подробнее об этом см. в комментариях к статье «Что же делать»).

К статье «О значении русской революции» относится очень большой рукописный материал, в большинстве не поддающийся строгой систематизации и хронологическому приурочению. Он хранится в ГТМ (АЧ, папки 98, 99, 100).

1. Две записи в Дневнике от 6 и 10 февраля 1906 г. Автограф на страницах 193–203 переплетенной в коленкор тетради, заключающей в себе Дневник Толстого с 15 сентября 1904 г. по 3 июля 1906 г. Начало первой записи: «Читалъ вчера или третьяго дня прекрасную брошюру Д. Хомякова». Конец: «это самое совершается теперь». Начало второй записи: «Еще читалъ о власти и, кажется, пришелъ къ ясности». Конец: «общемъ всѣмъ людямъ религіозномъ пониманіи жизни».

2. Рукопись на 8 листах в 4°, написанная на пишущей машинке, с поправками рукой Толстого. От двух листов отрезаны их бóльшие доли и переписаны в следующую рукопись. Копия автографа. Вверху первой страницы на машинке написано: «Из дневника».

3. Рукопись на 14 листах в 4°, написанная на пишущей машинке, с поправками рукой Толстого. Верхняя часть первого листа отрезана и перенесена в рукопись № 4. Некоторые листы склеены из нескольких частей. Из предыдущей рукописи перенесены и вклеены сюда две части четвертушек. Копия предыдущей рукописи. Три последние листа рукописи представляют собой исправленную копию двух перед этим идущих листов, в текст которых внесено большое дополнение. На втором из этих двух листов проставленная рукой Толстого дата – 7 марта 1906 г.

4. Рукопись на 15 листах в 4°, частью склеенных из нескольких частей, написанная на пишущей машинке, с поправками рукой Толстого. Копия предыдущей. Здесь зачеркнут следующий вариант:

Русскій народъ видитъ теперь, не только видитъ, но чувствуетъ всѣмъ существомъ своимъ весь ужась тѣхъ злоупотреблений, до которыхъ дошла та неограниченная власть, которой онъ подчинялся. Видитъ, чувствуетъ, что злоупотребленія этой власти, вооруженной всѣмъ могуществомъ новѣйшей техники, втягиваютъ его въ участіе во все большихъ и большихъ злодѣянїяхъ власти.

Первый и два последних листа этой рукописи перенесены в следующую.

5. Рукописный материал, заключающий в себе исправленные рукой Толстого копии и автографы отдельных частей текста статьи, относящиеся к первым шестнадцати главам. Всего 115 листов различного формата автографов, 806 листов в 4° и 569 обрезков, написанных на пишущей машинке, рукой М. Л. Оболенской, Т. Л. Толстой, Д. П. Маковицкого, В. Г. Черткова и исправленных рукой Толстого. С большей или меньшей точностью материал этот между отдельными главами статьи, применительно к окончательной ее редакции, распределяется так. К I главе относится 1 лист–автограф, 22 листа и 22 обрезка копий; ко II – 21 лист и 23 обрезка копий, к III – 4 листа автографов и 57 листов

и 31 обрезок копий; к IV – 2 листа автографов и 32 листа и 30 обрезков копий; к V – 1 лист-автограф и 20 листов и 26 обрезков копий; к VI – 7 листов автографов и 42 листа и 31 обрезок копий; к VII – 3 листа автографов и 29 листов и 16 обрезков копий; к VIII – 13 листов автографов и 65 листов и 27 обрезков копий; к IX – 23 листа автографов и 119 листов и 94 обрезка копий; к X – 33 листа автографов и 141 лист и 109 обрезков копий; к XI – 3 листа автографов и 69 листов и 34 обрезка копий; к XII – 1 лист-автограф и 72 листа и 49 обрезков копий; к XIII – 9 листов автографов и 43 листа и 30 обрезков копий; к XIV – 6 листов автографов и 66 листов и 30 обрезков копий; к XV – 3 листа автографов и 5 листов и 8 обрезков копий; к XVI – 6 листов автографов и 3 листа и 9 обрезков копий. На одном из обрезков, относящемся к XI главе окончательной редакции, – собственноручная подпись Толстого и его же рукой проставленная дата – 16 марта 1906 г.; на одном из листов, относящихся к XIV главе, – также собственноручная подпись и дата 20 июня 1906 г.

Ко всему этому материалу относится ряд вариантов, которые печатаем отдельно частью по автографам, частью по исправленным копиям. К I главе относится вариант № 1, к III – №№ 2 и 3, к V – № 4, к VI – №№ 5 и 6, к VII – №№ 7 и 8, к VIII – №№ 9–12, к IX – №№ 13–16, к X – №№ 17–26, к XI – №№ 27–29, к XII – № 30, к XIII – №№ 31–33, к XIV – №№ 34 и 35, к XVI – № 36.

6. Рукопись на 99 нумерованных листах в 4°, написанная на пишущей машинке и отчасти рукой М. Л. Оболенской и А. Л. Толстой и исправленная рукой Толстого и в нескольких листах рукой А. Л. Толстой и рукой неизвестного. Очень много листов склеено из нескольких частей; несколько листов урезано. Рукопись образовалась из разновременных сделанных копий отдельных частей текста и представляет собой связный текст, заключающий в себе вступление и первые шестнадцать глав. Вступление сплошь написано на обеих сторонах четвертушки рукой Толстого. В конце XVI главы рукой Толстого проставлена дата 23 августа 1906 г., вслед за которой его же рукой подпись: «Я[сная] П[оляна]. Л. Т.» На первой странице написанное на машинке заглавие «Две дороги» зачеркнуто и вместо него рукой Толстого написано другое – «Значение русской революции». Рукопись заключена в обложку, на которой рукой А. Л. Толстой написано «Две дороги». На первой странице обложки начало автографа XII главы в окончательной редакции. Первые девять глав довольно близки к окончательной редакции статьи, остальные же, обозначенные в рукописи спутанной нумерацией, еще значительно отступают от окончательного текста. Во всей рукописи нет сколько-нибудь существенно значительных и новых вариантов по сравнению с теми, которые были извлечены из материала, описанного под № 5.

7. Рукопись на одном полулисте почтовой бумаги, написанном с одной стороны. Автограф. Текст приводим целиком:

Это все общія разсужденія, скажутъ еще, прочтя эти мысли. Но всѣ онѣ не отвѣчаютъ на вопросъ, что дѣлать вообще людямъ и въ особенности въ теперешнее важное время русскимъ людямъ. Что дѣлать правительству, что дѣлать образованнымъ сословіямъ, что дѣлать рабочему народу? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить написанное

мною нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ слѣдующее обращеніе къ этимъ тремъ, хотя и далеко не равнымъ ни по важности и ни по количеству людей составнымъ частямъ русскаго народа, изъ которыхъ каждая часть имѣеть свою совершенно особенную и по своему положенію твердо опредѣленную дѣятельность.

Вслед за этимъ, по первоначальному замыслу Толстого, таким образом должно было итти «Обращение к русским людям – к правительству, революционерам и народу».

8. Автограф на 9 нумерованных листах, из которых два – четвертушки писчего листа, остальные – почтового формата. Все листы, кроме двух последних, исписаны с обеих сторон. Верхняя половина первой страницы занята исправленной Толстым машинописной копией шестнадцатой главы статьи, вслед за которой идет собственноручная подпись и дата 28 июля 1906 г., причем цифра 28 написана рукой Толстого вместо зачеркнутой им машинописной цифры 11. Вслед за этим – автограф первоначальной редакции семнадцатой главы, обозначенной цифрой XVII. Начало: «Все это общія разсужденія». Конец: «и откроеть себѣ и людямъ новый путь жизни. 4 Августа 1906. Л. Т.»

9. Рукописный материал, заключающий в себе 16 листов в 4° и 3 обрезка, написанных с обеих сторон на пишущей машинке, рукой В. Г. Черткова (2 листа) и рукой Толстого (1 лист). Разрозненный материал копий отдельных частей текста рукописи, описанной под № 8, исправленных и дополненных рукой Толстого. На листе, написанном рукой Толстого, собственноручные дела и подпись: «9 Авг. 1906. Пирогово. Л. Т.». В этом материале зачеркнут предварительно исправленный вариант, относящийся к самому концу главы, печатаемый нами под № 37.

10. Рукопись на 18 нумерованных

[18] листах в 4°, написанная на пишущей машинке, рукой Д. П. Маковицкого и В. Г. Черткова и исправленная рукой Толстого чернилами и рукой Черткова карандашом. Окончательный полный текст первой редакции семнадцатой главы, обозначенный цифрой XVII. Образовался в результате отбора и согласования исправленных Толстым копий отдельных частей текста автографа, описанного под № 8. Текст рукописи полностью печатаем в вариантах (№ 38). Поправок Черткова не воспроизводим.

11. Рукописный материал, заключающий в себе 8 листов в 4° и 9 обрезков копий, написанных на пишущей машинке и исправленных рукой Толстого, и два листа автографов, относящихся к окончательной редакции семнадцатой главы. На двух листах собственноручно проставленные Толстым даты – 27 августа и 1 сентября 1906 г.

12. Рукопись на трех листах в 4°, написанная рукой В. Г. Черткова, с поправками рукой Толстого. Исправленная копия текста вступления к

статье, открывающего собой рукопись, описанную под № 6.

13. Рукопись на 111 листах в 4°, из которых часть урезана, написанная на пишущей машинке и (на двух листах) рукой Д. П. Маковицкого, с поправками рукой Толстого и несколькими, преимущественно стилистическими поправками карандашом рукой неизвестного. Это, очевидно, те поправки, которые были предложены Маковицким и, судя по его словам, приняты Толстым. Нумерация, непоследовательная, частью имеется, частью отсутствует. Цельный текст статьи, образовавшийся в результате подбора отдельных листов одновременно сделанных и исправленных копий. Он поделен на семнадцать глав, но деление это не вполне совпадает с окончательным. Во вступлении приведен лишь эпиграф из Чаннинга и рукой Толстого написано: «Выписать Мат[фея] IX, 36,37,38». В пятнадцатой главе цитаты из Дюма, Ламеннэ и Чаннинга не выписаны, а лишь указано, что их нужно выписать из «Круга чтения». В конце статьи собственноручная подпись Толстого и дата: «3 Сент. 1906. Я[сная] П[оляна]. Л. Т.» Рукопись озаглавлена «Значение русской революции». Рядом с заглавием рукой неизвестного написано: «Версия предпоследняя». Текст рукописи близок к окончательной редакции.

14. Рукопись (наборная) на 75 нумерованных листах в 4°, написанная на пишущей машинке, с поправками рукой Толстого, без начала: утрачены первые пятнадцать листов, относящиеся к первым трем главам и большей части четвертой. Начало: «чему люди обязаны жертвовать не только жизнью». Копия предыдущей рукописи, без подписи и даты. В пятнадцатую главу внесены цитаты из Дюма, Ламеннэ и Чаннинга. Цитата из Ламеннэ несколько длиннее, чем в печатном тексте. Сверх того, приведена цитата из Рёскина, в печатном тексте отсутствующая. Текст рукописи поделен на семнадцать глав, но в нумерации цифра XV пропущена и три последние главы занумерованы цифрами XVI, XVII, XVIII.

15. Корректурa издательства «Посредник» на 47 гранках, правленная рукой Толстого. Набор рукописи № 14. Все поправки Толстого преимущественно стилистического характера. Из смысловых поправок следует отметить следующие. Во второй главе после слов «Людовики, Иоанны, Петры, Екатерины», стр. 319, строки 11–12, зачеркнуто слово «Николаи». Это же слово вписано в четырнадцатой главе после слов «Мараты, Наполеоны», стр. 354, строки 18–19. В седьмой главе после слов «И как у всякой веры была своя наука» стр. 330, строка 5, зачеркнуты слова «у вѣры въ Бога – богословіе».

Рукой И. И. Горбунова–Посадова карандашом в корректуре сделано несколько стилистических исправлений. В четвертой главе, стр. 323, строка 1, слова «Управление же большинства меньшинством» исправлены на «Власть же большинства над меньшинством», – в пятой главе, стр. 325 строка 14, слова «В Америке» исправлены на «В Соединенных штатах», в восьмой главе, стр. 332, строки 26–27, слова «все испытываемые народом бедствия происходят» – на «большинство испытываемых народом бедствий происходит» и в семнадцатой главе, стр. 361, строки 18–19, слово «магометанском» дополнено: «частью магометанском (бабизме)».

Статья была отправлена Толстым для напечатания в издательство «Посредник», видимо, в середине сентября. Д. П. Маковицкий в записи от 12 сентября сообщает, что Толстой просит свезти статью И. И. Горбунову.

В записи от 26 сентября Маковицкий отмечает, что приезжавший в Ясную поляну С. Д. Николаев привез с собою ее корректуру. К 3 октября корректура была исправлена и получена И. И. Горбуновым, судя по письму его к Толстому от этого числа (АТБ). В тот же день Маковицкий записывает, что Толстой хотел бы, чтобы издание этой статьи, а также двух других одновременно набравшихся – «Единственное возможное решение земельного вопроса» и предисловие к «Общественным задачам» Генри Джорджа – отдалилось и он мог бы еще поправлять их.

В записи от 13 октября Д. П. Маковицкий сообщает о том, что в Ясную поляну приехал Горбунов и привез, в числе других корректур, и вторую корректуру статьи «О значении русской революции».

Пока печаталась статья, Толстой писал к ней послесловие, которое в письмах к Горбунову от 23 и 25 октября предоставлял печатать по его усмотрению – в связи со статьей «О значении русской революции» или отдельно, или вовсе не печатать (ГТМ). 30 октября Горбунов ответил Толстому, что, пользуясь его разрешением, он решил не соединять послесловия с основной статьей, а печатать его отдельно (АТБ).

В ноябре 1906 г. «О значении русской революции» появилось в свет в издательстве «Посредник». Сравнительно с сохранившейся первой корректурой в текст издания внесено очень немного чисто стилистических поправок, сделанных, очевидно, Толстым, во второй корректуре. Цензурных изъятий нет. Исключено лишь одно слово – «Николаи» в четырнадцатой главе, стр. 354, строки 18–19. Это слово, вероятно, было исключено самим Толстым во второй корректуре по предложению Горбунова, опасавшегося, нужно думать, сугубых цензурных неприятностей из-за него. Поправки, сделанные Горбуновым в первой корректуре, вошли в окончательный печатный текст. По выходе в свет издание было конфисковано, а И. И. Горбунов привлечен к ответственности.

Параллельно с изданием статьи в «Посреднике» она должна была появиться и в издании «Свободного слова» в Англии. Но издание это на русском языке не осуществилось. В 1911 г. статья была перепечатана в конфискованной девятнадцатой части двенадцатого издания сочинений Толстого.

В настоящем издании печатаем статью по изданию «Посредника», принимая поправки, сделанные в корректуре И. И. Горбуновым и сохраненные в окончательном тексте, очевидно, с согласия Толстого. В главе четырнадцатой вводим слово «Николаи», которое, если и исключено самим Толстым, то, как сказано выше, скорее всего, по цензурным соображениям.

Примечания.

Стр. 315–316: Эпиграфы из Чаннинга и Мадзини заимствованы из «Круга

чтения», М. 1906, т. I, стр. 223, и т. II, стр. 212–213.

Стр. 320, строка 10. См. примечание к статье «Об общественном движении в России», стр. 635–636.

Стр. 323, строка 37. «Lettres de cachet» – в дореволюционной Франции – секретные приказы об аресте, снабженные подписью и печатью короля и министра. Влиятельные люди имели незаполненные бланки с нужной подписью и печатью; в них они проставляли имена лиц, которых им было желательно заключить в тюрьму или отправить в ссылку. Уничтожены декретом Национального собрания 23 июня 1789 г.

Стр. 337, строки 36–37. Самосожжение практиковалось в русском расколе преимущественно в XVII и XVIII вв. Говоря о «недавних случаях зарывания себя живыми в землю», Толстой имеет в виду четыре случая самопогребения в так наз. Терновских хуторах близ г. Тирасполя Херсонской губернии в декабре 1896 г. и в феврале 1897 г., где заживо зарыло себя в землю несколько старообрядческих семейств из страха перед ожидавшимися ими преследованиями правительства. Внешним толчком к решению «закопаться» послужила перепись населения, которую обитатели Терновских хуторов считали признаком пришествия антихриста. Об этом событии, вскрывшемся уже в апреле 1897 г., много писалось в газетах. Подробнее об этом см. А. И. Сикорский, «Эпидемические вольные смерти и смертоубийства в Терновских хуторах (близ Тирасполя)». Киев, 1897 (эта книга имеется в яснополянской библиотеке Толстого).

Стр. 345, строки 12–18. См. примечание к статье «Конец века», стр. 682.

Стр. 353, строки 28–29. Евангелие от Иоанна, XVIII, 14.

Стр. 356–358. Цитаты в XV главе из Дюма сына, Ламменэ и Чаннинга заимствованы из «Круга чтения», М. 1906, т. I, стр. 314–315, и т. II, стр. 173–174 и 175.

Стр. 360, строка 38. Евангелие от Матфея, XVIII, 3.

Стр. 509, строки 17–19. Брошюра эта написана Д. А. Хомяковым, сыном А. С. Хомякова, писавшим всегда под инициалами Д. Х. Брошюру его Толстой читал в издании С. Шаропова, М. 1905. В яснополянской библиотеке сохранился экземпляр этой книжки с пометками Толстого. Д. П. Маковицкий в своих «Яснополянских записках» (записи 3,4, 7,19 февраля) приводит отзывы Толстого о ней.

Стр. 535, строки 16–17. Здесь имеются в виду следующие слова Бисмарка, включенные Толстым в «Круг чтения» под 23 июля: «Тяжело у меня на душе. Во всю свою долгую жизнь никого не сделал я счастливым: ни своих друзей, ни семьи, ни даже себя самого. Много, много наделал я зла... Я был виновником трех больших войн. Из-за меня погибло более 800 000 людей на полях сражений; их теперь оплакивают матери, братья, сестры, вдовы... И всё это стоит между мною и богом».

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

В настоящий том входят произведения, написанные Толстым в период 1904–1906 гг. Художественные произведения, напечатанные в этом томе, не только не получили окончательной авторской отделки, как и все так называемые «посмертные произведения», но и в большей своей части (три из пяти) не закончены. Печатаются они однако, в согласии с принятым в этом издании порядком, в начале тома, перед законченными статьями, по новой орфографии, но тем набором (корпусом без шпон), которым печатаются незаконченные, неотделанные и неопубликованные при жизни произведения Толстого. Впервые публикуются здесь две до сих пор не опубликованные статьи Толстого – «Как и зачем жить?» и «Три неправды», а также варианты из черновых рукописей к произведениям, ранее опубликованным.

Указатель собственных имен составлен В. С. Мишиным

Н. Гудзий.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, а также тексты посмертных художественных произведений, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов статей и незаконченных черновых редакций и вариантов художественных произведений, непечатавшихся при жизни Толстого, соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимения «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью; причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» – лишь, в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, в одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом о оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные,

тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки препинания в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого, *** – что

не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что ранее печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фототипия портрета Толстого 1905 г. – между XII и 1 стр. стр.

Автотипия с автографа черновой рукописи (№ 8) статьи «О значении русской революции» – между 532 и 533 стр. стр.

Примечания

1

[королевские приказы об изгнании или заточении без суда и следствия]

2

Зачеркнуто: жить праздною, сладкою жизнью на шею трудящихся.

3

Зачеркнуто: и отвратительности

4

Зач.: мошенническаго торгашества,

5

Зачеркнуто: не давать добровольно ни податей, ни солдаты

6

Зачеркнуто: злобой

7

Зач.: Никто не говорилъ и не могъ сказать вамъ этого. Только ваше тщеславіе, ваша гордость, для нѣкоторыхъ даже корысть подсказали вамъ это, и вы повѣрили.

8

Зач.: не меньше, но гораздо больше того, какое вы самоуверенно взяли на себя,

9

Зачеркнуто: царю, министру, полиціймейстеру, всю жизнь прожившему чужими трудами.

10

Зач.: въ матеріальномъ отношеніи

11

Зач.: и гильотину

12

Зачеркнуто: самимъ опомниться,

13

Зач.: Для того же, чтобы выработать въ себѣ эти основы, вамъ надо не учить народъ и не руководить его, а учиться у него его мудрости, терпѣнію. трудолюбію и той кротости, которая составляла до послѣдняго времени его силу.

14

Зачеркнуто: Помогите ему, главное, освободиться от суевѣрія государства и церкви.

15

«Лев Толстой и В. В. Стасов». Переписка 1878–1906. Редакция и примечания В. Д. Комаровой и Б. Л. Модзалевского. Ленинград, 1929, стр. 404.

16

«Вестник Европы», 1915, № 4, стр. 19.

17

Поэма, посвященная Фетом Тургеневу и напечатанная в «Отечественных записках», 1857, № 1.

18

Нумерация посторонней рукой – двойная: на лицевых страницах – 89а – 105, на оборотных 104–121.